Личное дело женщины-кошки

Автор:
Дарья Донцова

Личное дело женщины-кошки

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #30

Страшный монстр завелся в доме Даши Васильевой. Кто он? Что это? У всех членов семьи разные версии. Даше привиделся ползущий огромный кусок мяса. Дегтярев утверждает, что у себя в комнате видел живую подушку. Короче, пора вызывать врачей. Они и вызвали. А вместо помощи получили еще одну головную боль – медсестра Марина решила окрутить полковника и поселиться в шикарном особняке… Нужно срочно выручать друга! Но и о новом расследовании забывать нельзя. Приятельница Таня Медведева попросила Дашу вывести на чистую воду мошенницу. К ним домой заявилась девица, которая выдает себя за пропавшую десять лет назад ее падчерицу Настю. Девочка вышла во двор выбросить мусорное ведро и исчезла. Таня твердо уверена – ее уже нет в живых. Но отец и бабушка признали Настю. Любительница частного сыска берется за разоблачение самозванки!..

Дарья Донцова

Личное дело женщины-кошки

Глава 1

Природа наградила нас двумя ушами, двумя глазами и только одним языком, наверное, в надежде на то, что мы будем охотней слушать и смотреть, чем болтать, но кое-кто больше всего на свете обожает трепаться. Моя подруга Вера Рыбалко принадлежит именно к этой категории.

Я на секунду отняла от уха раскалившуюся телефонную трубку. Веру не смущает счет, который выставит оператор за роуминг. Супруг ее очень обеспеченный человек. В целях безопасности он поселил жену и дочь в Лондоне, а Верушка не владеет английским, поэтому начисто лишена возможности общения с окружающими. В магазине она изъясняется жестами, в кино и театр пойти не может, с многочисленной русской прислугой дружить ей не позволяет спесь, а дочь учится в закрытом колледже. Англичане строги, они считают, что горячая материнская любовь портит ребенка, поэтому Катя видится с Верой два раза в год. Впрочем, девочка теперь говорит в основном по-английски, встречаясь с мамой, она мучительно подбирает русские слова. И что остается несчастной жене всесильного олигарха? Муж готов купить Вере абсолютно все – пожелай жена египетскую пирамиду, она получит ее максимум через неделю, но вот вложить в глупую голову супруги знание языка Коля не способен. Я, как бывший преподаватель, попробовала объяснить Вере простую истину:

– Найми педагога, занимайся несколько часов в день, почаще общайся с англичанами – и через год совершенно спокойно залопочешь на их языке.

Но Рыбалко не привыкла напрягаться, замуж за Колю она выскочила, будучи школьницей, и с тех пор любые ее проблемы решал муж. А тут надо делать упражнения, шевелить мозгами… Ну уж нет! Намного проще почти каждый день звонить мне и ныть в трубку:

– Боже! В Лондоне ужасно! Отвратительно! Мерзко!

В Англии Веру раздражает все: погода, кухня, привычка коренных жителей вести себя очень корректно и толерантно по отношению к окружающим, их любовь к животным. Не подумайте о ней плохо, Рыбалко обожает собак и при встрече всегда обнимается с Хучиком, Банди, Снапом и Черри, но английских четвероногих она терпеть не может.

Вчера Вера позвонила в районе восьми вечера.

– Идиоты! – заорала она, едва я сказала «алло». – Кретины!

– Что случилось? – безнадежно поинтересовалась я.

– Чаю у них не попить! – зарыдала подруга. – Пришла я в кафе, сказала: «Ти, плиз!»

– Ой, молодец, – обрадовалась я, – начинаешь осваивать английский.

– Ага, – занудила Вера, – а идиот, в смысле официант, припер какое-то дерьмо с молоком. Тут так им нравится! Фу! Попыталась я ему объяснить, машу руками: «Ноу, ноу, не надо молока», но разве дураку что-то втемяшишь? Стоит, зенками хлопает, затем залопотал что-то непонятное и еще один молочник принес! Нет, я с ума здесь сойду.

Вчера Вера полтора часа переживала ситуацию с чаем, а сегодня у нее новая беда: у Катюхи начались рождественские каникулы, и она прибыла домой.

– Это не моя девочка, – лила слезы Вера, – не Катька!

– Присмотрись к ней внимательно, – посоветовала я, – маловероятно, что в колледже ее подменили!

– Тебе смешно, – захныкала Вера, – а мне каково? Вошла девка в комнату и улыбается: «Гуд моонинг, мама!» Я смотрю! О боже! Стоит тощая селедка, коротко стриженная, в немыслимых джинсах! Жутких! Рваных! Свитер будто с помойки! Ботинки-говнодавы! В ушах пластмассовые колечки! Я ей говорю: «Солнышко, это ты?»

– Йес, – ответила Катюха, – ай, то есть я… э… ну… диету держу!

– Где коса? – подпрыгнула мать.

– Э… ну… я отрезала волосы, – сообщила Катя.

– Доченька, – зарыдала Вера, – что за пакость ты воткнула в уши? Папа же дарит тебе брильянты! И где шубка? Отчего ты в брезентовой косухе ходишь?

– Э… мама… богатство демонстрировать стыдно, – хладнокровно объяснила Катька, – а мех убитых животных носить нельзя, я против насилия. Импосибел такое!

– Вот лежу и мучаюсь, – шмыгала носом Верка, – может, она все-таки не Катька? Или моего ребенка навсегда местные гоблины испортили? Она не носит мех! А я ей под елку шубку из леопарда купила! Раритетная вещь!

Абсурдная беседа текла и текла, я съежилась в кресле. Большинство российских женщин позавидуют Вере, у которой нет никаких материальных проблем. Кстати, Коля отнюдь не типичный представитель нуворишей, он любит жену и не собирается менять ее на молодую блондинку. Почти все приятели Николая уже совершили подобную рокировку, но он верен Вере и ни в каких походах в сауну или вылазках на природу в чисто мужской компании не замечен.

Я бы на месте Веры занялась благотворительностью, основала фонд помощи бедным, устраивала бы всякие акции, выставки, концерты.

– Беда, – зудела Вера, – тоска зеленая. Знаешь, я, правда, недавно увлеклась одной штукой, вроде хобби.

– Молодец, – похвалила я ее.

– Но и тут жизнь выкопала мне яму, понимаешь…

Мое терпение лопнуло.

– Если жизнь выкопала тебе яму, – перебила я Верку, – налей туда воды и плавай, как в бассейне!

– Думаешь, это поможет? – воскликнула она.

И тут мой мобильный умер: разрядилась батарейка. Но в тот же момент на столике ожил городской аппарат, я взяла трубку и услышала нервный голос:

– Она вернулась! Господи, Дашута! Она пришла домой!

Меня охватило раздражение, Вера становится невыносимой. Понимаю, что ей одиноко и скучно, но ведь у меня тоже есть дела. Может, звякнуть Коле и посоветовать ему нанять для супруги психотерапевта? Я не способна выступать в этой роли, и, если честно, Верка мне просто надоела.

– Она вернулась, – стенала Рыбалко, – невероятно, но это она!

Я собрала в кулак все свое самообладание и, презирая себя за неумение решительно оборвать беседу, фальшиво ласковым голоском просюсюкала:

– Ну и хорошо. Ты поняла, что Катя дома, теперь спокойно попейте чаю, поболтайте, а мне пора бежать. Аркадий уже завел машину, мы собрались за подарками, Новый год на носу.

Чем дольше я врала, тем больше злилась на себя. Ну с какой стати я оправдываюсь за то, что не могу продолжать беседу? Следовало просто отрезать: «Извини, у меня нет времени на болтовню».

Ан нет, я веду себя, словно описавшийся щенок, прижимаюсь к полу и ползу на животе в угол.

– Какая Катя? – вдруг почти спокойно спросила Вера, и только тут мне стало понятно, что звонит не Рыбалко. – Ты меня не узнала?

– Прости, нет, – осторожно ответила я, – добрый вечер.

– И опять здравствуй, – вздохнула незнакомка, – у меня небось от стресса голос изменился. Это Таня Медведева. Надеюсь, ты не задашь вопрос: кто я такая?

– Танюша, – обрадовалась я, – как дела?

В отличие от Веры Таня вызывает у меня искреннее уважение. Она тоже вполне успешно вышла замуж, и ее супруг очень обеспеченный человек. Конечно, состояние Миши Медведева намного меньше состояния Николая Рыбалко, но мне почему-то кажется, что между десятками миллионов долларов и сотнями тех же миллионов особого различия нет. Хотя бизнесмены со мной не согласятся, но я делюсь своим мнением, кстати, тоже небедного человека.

Таня полная противоположность Вере, она финансовый директор в корпорации мужа, не мается дурью и не имеет возможности сутками висеть на телефоне.

– Она вернулась, – повторила Таня, – или… не знаю! Дашутка, мне страшно! Мишка сначала был в шоке, а теперь ни на секунду не отпускает ее!

– Кто к вам приехал? – зевнула я.

Большинство обеспеченных людей знакомо с бедой под названием «дальние родственники». Пока вы прозябаете на копеечную зарплату, мечтая о новых зимних сапогах или теплой шубке, никто из родни не спешит вам на помощь, не предлагает: «Дашуль, хочешь, супчик сварю, а ты возьми дополнительные уроки, чтобы подзаработать».

Лично мне всегда подставляли плечо подруги – Маша Когтева и Оксанка. Никаких тетушек, дядюшек, братьев, сестер, бабушек, дедушек у меня не было, а бывшие свекрови охотно раздавали только замечания.

Но стоило нам получить наследство барона Макмайера,[1 - Подробно история семьи Даши Васильевой описана в книгах Дарьи Донцовой «Крутые наследнички» и «За всеми зайцами», издательство «Эксмо».] как со всех концов необъятной России и ближнего зарубежья в Ложкино косяком потянулись гости, все как один «близкая родня» со стороны моих бывших мужей. Оказалось, что у отставных супругов целый полк родственников, которые обожают Дашутку, готовы жить с ней месяцами, чтобы скрасить ее одиночество. Меня хотят окружить вниманием и ждут ответной любви, выражать я ее должна в основном материально: покупать квартиры, дачи, машины, украшения, оплачивать поступление и обучение в вузе, давать приданое и т. д. и т. п. День, когда «любящие родственники» узнают суровую правду: у Даши нет денег, всеми средствами владеет ее сын Аркадий, весьма жадный молодой человек, не желающий бросать сладкий корм в широко раскрытые клювы, ознаменуется феерическим скандалом, демонстративным разрывом отношений и гневными заявлениями вроде:

«Мы в тебя душу вложили, целый месяц жили в Ложкине, пили-ели за одним столом – и где благодарность? Всего-то попросили трехэтажный особняк и пару иномарок. Но ведь за город на трамвае не поедешь, машины в данном случае не роскошь, а средство передвижения».

– Так кто посетил тебя на этот раз? – неожиданно развеселилась я. – Пятая жена восьмого дедушки третьей внучки семиюродного дяди? Чего она хочет? Пожить у вас пару лет, пока учится в МГИМО, куда тебе надо ее пристроить?

Но Танюшка не засмеялась.

– Настя вернулась, – обморочно прошептала она, – понимаешь?

– Нет, – абсолютно честно ответила я.

– Мишина дочь, – пояснила Таня, – Настя, помнишь ее?

– Ты с ума сошла! – закричала я. – Она ведь давно умерла!

– Она пропала, – уточнила Танюша и заплакала.

– Спокойно, – завопила я, – сейчас выезжаю к тебе!

– Поторопись, пожалуйста, – всхлипывала подруга, – Миша повез ее по магазинам, они вернутся поздно, но все равно не задерживайся. Я здесь тихо разума лишаюсь!

Швырнув трубку мимо стола и наступив на длинный хвост Банди, развалившегося около горящего камина, я ринулась в прихожую. Питбуль коротко взвизгнул, но мне было не до обиженного пса. Похоже, у Медведевой и впрямь поехала крыша, если она несет такую чушь!

Миша с Таней поженились пятнадцать лет назад, у него тогда уже имелась шестилетняя дочь Настя от первого брака. Именно из-за Насти Михаил и поторопился опять жениться. С Таней они были знакомы очень давно, я не в курсе их семейной истории, но вроде Миша жил с Танюшкой в одном дворе. Она патологически любила Медведева чуть ли не с детства, он для нее был бог, царь и герой, триедин в одном лице. Но Михаил не обращал внимания на чувства соседки, его с ней связывала только дружба. Медведев женился на другой, Ларисе Кругликовой. Она родила мужу дочь, семейное счастье Медведевых казалось незыблемым, но через пять лет Лариса скончалась. Миша стал вдовцом с ребенком на руках. И тут наступил черед Тани, которая по-прежнему обожала

Медведева. К чести Танюши, следует сказать: она никогда не пыталась отбить Мишу. Она порядочный человек, охота на чужой территории – не ее любимый вид спорта. Но после неожиданной кончины Ларисы Таня прибежала к Медведеву и взяла на себя ведение домашнего хозяйства. Через полгода Настя начала звать ее «мамой», и Михаил предложил Танюшке руку. Вот насчет сердца я не знаю. Но думаю, что Миша сообразил: лучше Тани ему супруги не найти, она заменила Насте мать, а дочь была для него светом в окошке, смыслом жизни.

Михаил не ошибся, Таня оказалась уникальной спутницей жизни, более неконфликтной женщины я не встречала. Она никогда не спорила с мужем и почитала его, как божество, в доме царил культ хозяина.

Миша очень хорошо относился к Тане, но, похоже, он никак не мог забыть Ларису – в его кабинете было несколько фотографий покойной супруги, а на письменном столе в красивой серебряной рамке стоял свадебный снимок: Медведев в черном костюме и Лариса в белом платье. Заходя иногда в рабочую комнату Миши, я натыкалась взглядом на лицо Ларисы и невольно вздрагивала. Будь я на месте Тани, испытывала бы дискомфорт и приступы ревности. Легко победить первую жену мужа, если произошел развод. Муж невольно будет сравнивать двух хозяек и, если постараться, можно очутиться на высшей ступеньке пьедестала. Но как конкурировать с той, что умерла? Людям свойственно идеализировать покойных: плохие поступки и проявления дурного характера забываются, а достоинства гиперболизируются. Порой мне казалось, что Лариса, образно говоря, съела персик, а Тане досталась косточка. Но Танечка все равно обожает Мишу, она служит ему домработницей, психотерапевтом, коллегой, медсестрой, любовницей, другом…

Что же касается Насти, то не всякая мать способна так заботиться о дочери, как это делала Таня в отношении падчерицы. Причем Танюша любила Настю разумно, она не засыпала девочку подарками, не пыталась «купить» ее, порой наказывала за шалости и находила время, чтобы водить крошку на занятия: бассейн, художественная гимнастика, английский язык. А какие детские праздники закатывала Таня! В квартире Медведевых накрывался стол с роскошным угощением, а после обильного ужина гостей ждала программа развлечений. Естественно, в роли повара, официанта и аниматора выступала Таня, Миша сидел в рядах публики.

Несчастье случилось на следующий день после десятилетия Насти. Миша отправился проведать бывшую тещу, Елену Сергеевну, Таня осталась дома.

Гости Насти ушли очень поздно, утром в квартире царил полнейший разгром, и Таня хотела в спокойной обстановке произвести уборку. Миша никогда не утруждал себя домашними проблемами, вернее, жена ни за что не допустила бы его к уборке, от него не было никакого толку.

Таня сложила в коробку несколько кусков домашнего пирога, затарила баночки всякими салатами, которые она всегда готовила в немыслимых количествах, и сказала:

– Раз уж Елена Сергеевна простудилась и не смогла прийти на праздник, то пусть хоть угощенье попробует, отвези ей гостинцы.

И Миша благополучно укатил. Настя просилась вместе с ним, но Таня сказала:

– Ты должна убрать за приятелями.

Девочка накуксилась.

– У меня день рождения, – плаксиво сказала она.

– Праздник был вчера, – напомнила мать, – ты играла, веселилась и не помогала накрывать на стол, а сегодня нужно навести порядок.

Школьница надулась и пошла к отцу, тот попытался вступиться за дочь, но жена сказала ему:

– Мне совсем нетрудно самой убрать квартиру, но ребенок обязан знать слово «надо», иначе столько проблем появится лет в тринадцать.

Миша признал ее правоту и велел Насте:

– Погуляла, и хватит, бери тряпку, айда грязь собирать.

Короче говоря, Миша ушел, а Таня с Настей засучили рукава. Через час Таня отправила девочку вынести помойное ведро, и вновь между ними возникло недопонимание. Нет, Настя не спорила, она подхватила емкость, но пошла к

двери прямо так, как была: в спортивном костюме и шлепках.

– На дворе холод! – напомнила Таня. Они жили в историческом центре Москвы, в старинном доме, где не было мусоропровода.

– Я помню, – фыркнула Настя.

– Это хорошо, – кивнула Таня, – снег лежит, оденься нормально.

– И так сойдет, – уперлась Настя.

– Простудишься!

– Не-а, – топнула ногой девочка, – там тепло!

– Накинь пальто и непременно обуй сапоги, – велела Таня.

– Ладно, – буркнула дочь.

Танюша посчитала конфликт исчерпанным и пошла в комнату за очередной порцией грязной посуды. Когда она направилась из гостиной в кухню, то увидела, что шубка Насти висит на вешалке, а сапожки на меху мирно лежат у входной двери. Непослушная девочка убежала на мороз в легкой домашней одежде.

Таня покачала головой и решила непременно наказать ослушницу, но сделать ей этого не удалось. Она никогда более не увидела девочку. Ее вообще никто никогда не видел, Настенька пропала, не оставив ни следа.

Глава 2

Мне об исчезновении ребенка сообщили, когда прошло три дня с момента трагического происшествия. Я сразу понеслась к Медведевым и спросила:

– Куда она ушла?

– Выносить помойку, – мрачно объяснил Миша, – исчезла вместе с ведром.

– Здоровое такое, – подала голос Таня, – оно вовсе не помойное, это я его под мусор приспособила, никелированное, на боках гравировка «Уважаемому Михаилу Семеновичу в день юбилея».

– Мише кто-то подарил бачок для отходов? – изумилась я.

– Боже, о какой ерунде вы говорите! – вспылил Медведев и ушел, хлопнув дверью.

Таня схватила носовой платок.

– Это не совсем ведро, вернее, ведро, но не совсем, понимаешь?

– Нет, – пробормотала я.

Она шумно высморкалась.

– Мише на день рождения коллеги по работе преподнесли дерево, оно было посажено в красивую никелированную емкость с ручкой. Я, как только это увидела, сразу поняла: умрет растение, разве сможет оно выжить в железном цилиндре. Отверстий внизу нет, сгниют корни, ну и пересадила его в обычный керамический горшок, а ведро приспособила под мусор. Оно, кстати, оказалось великолепного качества, не тускнело, шикарная вещь.

– С помойкой мы разобрались, – сказала я, – значит, Настя ушла и…

– Пропала, – застонала Таня, – без шубки, теплых сапог, шапки! Господи, она простудится! Или заболеет ангиной!

Я мрачно посмотрела на Таню, даже двустороннее крупозное воспаление легких чистая ерунда по сравнению с неприятностями, которые могут произойти с десятилетней девочкой, не вернувшейся домой.

Настю так и не нашли, Миша с Таней бросили все силы на ее поиски: задействовали милицию, частного детектива, дали объявления в газету и на телевидение, но девочка словно в воду канула. Не дождавшись дочери домой в роковой день, Татьяна побежала к мусорным бакам и увидела на выпавшем снегу отпечатки тапочек девочки. Цепочка следов вела к пустому контейнеру, обрывалась около него, и все. Настя и красивое никелированное ведро исчезли.

Создавалось впечатление, что ребенка унесли инопланетяне. Как на грех, во дворе никого не было, милиция не нашла свидетелей, которые бы пролили свет на загадочную историю. Не обнаружили и никаких улик, началась метель, которая замела все следы.

Сначала Медведевы надеялись, что девочку вернут назад.

– Похитители скоро потребуют выкуп, – убежденно говорил Миша, – ничего, заплатим!

Но денежных требований никто так и не выдвинул. Потом в голову Тане пришло совсем уж глупое предположение:

– Она уехала! С подругами, – ажитированно восклицала она, – обиделась на меня, не хотела убирать квартиру, ну и подалась в бега.

Версия не выдерживала ни малейшей критики, но Миша тоже уцепился за нее, и целый год супруги вздрагивали от каждого звонка. Но Настя не объявилась.

Через несколько лет ее официально признали умершей, и Таня обустроила могилу на кладбище.

– Лучше бы уж тело увидеть, – в особо тоскливую минуту признался Миша, – а то ведь я знаю, что под памятником ее нет. Вдруг она все же вернется?

Я сделала вид, что не слышу последней фразы, и ловко перевела разговор в область цветоводства. Миша, у которого было хобби разводить розы, отвлекся от мрачных мыслей. А мне стало совсем грустно, я надеялась, что друзья поняли: Насти нет в живых. У меня была своя версия событий. Ну подумайте сами: цепочка следов несчастного ребенка обрывалась у мусорного контейнера. В

налетевших инопланетян я абсолютно не верила. Значит, Настю ударили в тот момент, когда она опустошала ведро. Девочка лишилась чувств, ее схватили, сунули в машину и увезли. Это заняло пару секунд. Я попыталась донести свои рассуждения до следователя, но он моментально пресек мою активность:

– Дарья Ивановна, у нас работают профессионалы, которым нужны не версии, а показания родных и знакомых. Хотите помочь, ответьте четко на мой вопрос: какие отношения были в семье Медведевых?

Я вздохнула и сообщила, что знала. Но, увы, ни мой рассказ, ни сведения, почерпнутые у других приятелей Медведевых, не помогли, судьба Насти осталась неизвестной. И вот Татьяна несет невероятную чушь о возвращении ребенка. Хотя девочке-то сейчас двадцать лет, и называть ее «ребенком» просто дико.

Не успела я поднести руку к звонку, как дверь распахнулась и на пороге появилась Татьяна с абсолютно безумным выражением лица.

– Дашута, Настя вернулась! – обморочным голосом произнесла она.

Невооруженным глазом было видно, что Таня находится на грани истерики.

– Давай лучше сядем и спокойно поговорим, – предложила я, – почему ты решила, что неизвестно откуда появившаяся девушка и есть Настя?

Таня схватила меня за руку и потащила в просторную гостиную, на ходу вываливая кучу сведений.

Два дня назад рано утром, около семи часов, в дверь Медведевых позвонили. Муж с женой как раз собирались на работу, и Таня, не посмотрев на экран домофона, распахнула дверь. Она предполагала увидеть водителя Сережу, который обычно в это время поднимался к хозяевам, чтобы взять ключи от «Мерседеса».

Но вместо Сергея на лестничной клетке оказалась симпатичная молодая блондинка.

– Вы к кому? – удивилась Таня.

Незнакомка заметно смутилась.

– Здравствуйте, – тихо сказала она, – я Настя.

– Доброе утро, – кивнула все еще ничего не понимающая Таня, – что вам угодно?

– Я Настя, – повторила блондинка.

– Девушка, – начала злиться Медведева, – у меня нет свободного времени, пожалуйста, побыстрее изложите цель вашего визита.

Настя захлопала глазами, она явно пребывала в замешательстве.

– Мне бы Михаила Семеновича, – пролепетала она, – очень надо с ним поговорить!

И тут Таню осенило. Этажом выше, как раз над квартирой Медведевых, расположены апартаменты известного режиссера, снимающего километры сериалов. Теледеятеля тоже зовут Михаил Семенович, и к нему частенько заглядывают актрисы.

– Вы ошиблись квартирой, – улыбнулась Таня, – поднимитесь на один пролет.

Но Настя не пошевелилась.

– Мне нужен Михаил Семенович Медведев, – уточнила она, – или… он… он… жив?

– Девушка, – пришла в негодование Таня, – вы кто такая? Немедленно представьтесь!

– Я Настя, – тупо повторила блондинка.

– Это я уже слышала, – отмахнулась Татьяна, – назовите свою фамилию! Ну? Зачем вам мой муж?

– Таня… – прошептала девушка, – это я… Танечка… это я… ну я же!..

– Мы с вами встречались? – прищурилась Медведева, пытаясь вспомнить, где видела симпатичное голубоглазое личико.

Но вот так сразу сообразить, откуда она знает девушку, Таня не могла, уж слишком стандартно выглядела гостья: длинные белокурые волосы, голубые глаза, стройная фигура.

– Да… конечно… – продолжала тем временем Настя, – столько лет прошло… а вы ремонт сделали… обои другие, и люстра, и вместо вешалки теперь встроенные шкафы… А где Бублик?

– Бублик? – изумилась Таня. – На кухне, наверное, спит.

– На батарее? – засмеялась девушка.

Тут в прихожую вышел Михаил и сердито спросил:

– Ты собираешься или как?

Настя, бесцеремонно отодвинув Таню, вошла в холл и громко сказала:

– Папа, может, ты меня узнаешь?

Михаил вздрогнул и уставился на девушку, у Тани закружилась голова, и тут из коридора вырулил здоровенный британский кот Бублик. Он появился в доме за два года до исчезновения Насти, девочка очень любила его, постоянно возилась с ним, вычесывала щеткой, играла. Бублик платил ей такой же горячей любовью. Невозмутимый британец признавал одну Настю. Нет, он был очень интеллигентен, никогда не выпускал когти, не шипел и не убегал прочь, если вы изъявили желание его погладить, но сам на контакт не шел, на колени не вспрыгивал и ни малейшей радости при виде людей не испытывал. Бублик был самодостаточен, индифферентен и разгуливал по квартире с видом императора, оживлялся он лишь при виде еды.

Но сейчас кот осел на задние лапы, потянул носом воздух, издал воющий звук и кинулся к Насте на грудь. Он попытался, уцепившись когтями за джинсы девушки, влезть поближе к ее лицу, но не удержался и упал. Девушка присела и обняла кота, а тот начал тереться о ее лицо и мурлыкать с громкостью органа.

– Вот, – с упреком сказала Настя, прижимая к себе британца, – он меня узнал!

Бублик, урча, начал вылизывать ей шею, подбородок, щеки… Миша попятился, Таня в изнеможении прижалась к стене, а Настя повторила:

– Кот меня узнал, а родные нет! Я вернулась!

При этой фразе Татьяна упала в обморок. Когда она пришла в себя, дом полнился людьми, по коридорам ходили врачи, вызванные Мишей для жены и вновь обретенной дочери. Когда Таня сумела воспринимать действительность, Настя повторила для нее свою историю.

В тот роковой день она вышла из подъезда без верхней одежды и через пару секунд пожалела о своем дурацком непослушании. Было очень холодно, колючий снег падал за шиворот, а голые ноги в домашних тапках мигом превратились в ледышки. У Насти возникло желание вернуться домой и одеться как следует, но тут она представила себе лицо Тани и будто услышала ее: «Просто безобразие! Ты совершенно меня не слушаешься! Ведь вышло по-моему, ты замерзла», – и решила ни в коем случае не возвращаться. Упрямая девочка предпочла получить воспаление легких, лишь бы только не подтвердить правоту мачехи.

Помойка располагалась в самом дальнем углу двора, Настя подошла к бакам, увидела, что они переполнены, и решила вывалить отходы на землю. Конечно, Таня строго-настрого запрещала это, сколько раз она говорила Насте: «Если мусор не помещается в баки, его надо принести назад, я позвоню в домоуправление и устрою разнос служащим, ни в коем случае не вытряхивай ничего на землю».

Но в тот момент основным жизненным принципом Насти, как вы уже поняли, было открытое непослушание, поэтому она перевернула никелированное ведро, и… все. Окружающий мир неожиданно померк…

Когда девочка открыла глаза, она увидела больничную палату, около ее кровати сидела незнакомая женщина, полная, с добродушным лицом.

– Где я? – прошептала ничего не понимавшая Настя.

– Доченька, – причитала толстуха, – очнулась! Услышал господь мои молитвы! Как ты себя чувствуешь? Животик не болит?

Настя вжалась в подушку.

– Вы кто?

Женщина заметно испугалась.

– Твоя мама!

– Мама? – растерянно протянула девочка. – Ну да… точно… наверное.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась толстуха и, несмотря на схожесть с бегемотом, резво вскочила с табуретки и выбежала в коридор.

Настя осталась одна, через пару минут у нее началась истерика, она попыталась вспомнить, как ее зовут, сколько ей лет, где она живет, кто ее родители. Но ничего путного она не помнила, единственное, в чем Настя была уверена, так это в своей половой принадлежности, четко знала, что она девочка. А еще ее не удивляли бытовые предметы. Стул как стул, на нем сидят, кровать – это кровать, на ней спят, из чашки пьют кофе, какао, молоко, кефир. Короче говоря, Настя не испытала никаких бытовых трудностей, но все остальное девочке пришлось заново узнавать о себе.

Ее зовут Настя Килькина, не самая благозвучная фамилия, но это фамилия ее мамы Зои Андреевны и папы Ивана Петровича. Отец служил в армии, семью мотало по гарнизонам. У Ивана Петровича был вздорный, слишком принципиальный характер, но он не пил, не курил, по бабам не шлялся и выглядел на фоне прочих военных белой вороной.

Зоя Андреевна пыталась повлиять на супруга. Переехав в очередной городок, она слезно умоляла своего борца за справедливость:

– Ванечка, уймись! Мы как перекати-поле по стране мечемся, нигде больше года усидеть не можем. Ну оформил генерал свою жену заведующей клубом, ну пристроил дочь в Москву учиться на украденные деньги, ну пьют офицеры горькую, везде так! Не начинай воевать, порядка не наведешь, а нас опять переведут!

Но Иван Петрович упорно стоял на своем, и в конце концов Килькины очутились в крохотном городке Бруске. Когда Зоя Андреевна вошла в отведенную семье сараюшку, где из удобств имелось лишь одно электричество, она мрачно констатировала:

– Ну все! Можно обустраиваться на всю жизнь, дальше не сошлют, хуже не будет.

Как же она ошибалась! Почти год Килькины жили тихо, потом пришла беда, Настя, единственный их ребенок, потеряла сознание. Слава богу, один из соседей имел машину и согласился довезти обезумевшую мать до райцентра.

В клинику Настя попала на грани жизни и смерти, у нее случился приступ аппендицита, развился перитонит.

– Шансов очень мало, – честно предупредил хирург Зою Андреевну, – я не всесилен.

Но, наверное, у Насти был авторитетный ангел-хранитель, потому что операция прошла успешно. Для выздоровления девочке требовались сильнодействующие, очень дорогие лекарства. Даже если бы необходимые медикаменты были в аптеке в забытом богом городке, то у Килькиных никогда не нашлось бы средств на их покупку. Из ценностей у Зои Андреевны были лишь обручальное кольцо и тоненькая золотая цепочка. Гордившийся своей принципиальностью Иван Петрович держал семью впроголодь, «подкожные» запасы у Килькиных отсутствовали.

Все тот же хирург сказал Зое Андреевне:

– Оперируем мы классно, лучше, чем европейцы и американцы, вместе взятые, но вот выхаживать больных не умеем. Ни лекарств, ни хорошо обученных медсестер нет.

– Настя умрет? – испугалась мать.

Врач вздохнул и с некоторым сомнением протянул:

– Мы делаем все возможное.

И тут случилось чудо. В клинике скончался зять главы местной администрации. Для него мэр выписал из столицы сильнодействующие лекарства, те самые, что могли помочь и Насте. Но упаковки с ампулами прибыли слишком поздно, зять мэра умер. Хирург, оперировавший Килькину, решился попросить лекарства для умирающей девочки, и мэр, очевидно, сердобольный человек, сказал:

– Пусть хоть ребенка спасут, берите бесплатно.

Пока жизнь Насти висела на волоске, Зоя Андреевна, как преданная собака, спала на коврике у кровати дочери. Помня слова врача о неумехах медсестрах, мать тщательно следила за персоналом. И тут ей сообщили, что у Ивана Петровича инфаркт. Муж в очередной раз поскандалил с начальством, нашел некие нарушения и стал привычно бичевать пороки.

Сначала Зоя Андреевна растерялась и начала метаться между двумя отделениями: хирургией и кардиологией, но потом сообразила, что хорошо ухаживать за обоими больными не получится, и выбрала Настю. На мужа Зоя Андреевна была давно зла, его болезнь не смягчила ее. Она считала, что Килькин сам во всем виноват, ему не следовало приниматься за старое.

Через два месяца Ивана Петровича похоронили, а Зоя Андреевна с Настей вернулись в плохо обустроенную избенку.

Девочка так ничего и не вспомнила о себе, но мать рассказала ей о детстве, и Настенька успокоилась. Иногда, впрочем, ей снились странные сны: большой шумный город, бесконечная лестница, по которой она спускается в подземелье, странные поезда, толпы людей, незнакомые дети, школьная доска и розовые

лаковые туфли, круглоносые, с перепонкой и одним цветком на правой лодочке, на левой украшение отсутствовало, и это почему-то страшно огорчало Настю.

Первого сентября Настя пошла в первый класс, из-за болезни девочка отправилась в школу позже и оказалась старше всех. Наука давалась ей легко, Настенька схватывала материал на лету и получала сплошные пятерки, несмотря на то что практически не тратила время на домашние уроки.

Глава 3

Потом Зое Андреевне повезло. После смерти мужа ее взяли прислугой к местному царю. Честная, аккуратная, старательная, всегда с улыбкой на лице, да еще великолепная повариха, Зоя очень скоро стала в семье мэра родным человеком. И сам Григорий Николаевич, и его жена Ольга дорожили домработницей, а Зоя не могла забыть отданные ими для Насти лекарства и служила им как верная собака. Когда Григорию Николаевичу предложили пойти на повышение и переехать в областной центр, он взял с собой и домработницу. Зое снова пришлось перебираться из города в город, но в отличие от покойного Ивана Петровича, скатывавшегося все ниже и ниже, Григорий Николаевич поднимался по служебной лестнице и в конце концов оказался в Москве. Став депутатом, оборотистый мужчина сумел выбить для верной помощницы квартиру, и жизнь Зои Андреевны превратилась в сплошное счастье. О таком она даже не мечтала: переезд в столицу, собственная жилплощадь, дочь – студентка столичного вуза и небольшой запас денег в банке. Настенька тоже была рада, она влилась в студенческую семью, в которой было много провинциалов. Никто не смеялся над Настей, в группе училась всего одна москвичка, Света Лазарева, приятная, хорошо воспитанная, но глуповатая девушка.

– Меня папа сюда с трудом пристроил, – честно призналась она Насте, – сказал: «Институт непрестижный, конкурс плевый, учись, доча! Получишь диплом, найду тебе работу. Главное, не сойди с дистанции». Но боюсь, не сдать мне сессию.

– Не волнуйся, – успокоила ее Настя, – я тебе помогу.

Вскоре девушки подружились, Настю принимали дома у Светы, как родную. Ясное дело, когда Лазаревы приобрели более просторную квартиру, Настя оказалась в числе тех, кого позвали на новоселье.

Держа в руках листочек с адресом, Настя вышла на нужной станции метро, свернула направо, налево, вошла в просторный двор и вдруг ощутила беспокойство. Что-то было не так! Она же никогда ранее не бывала тут и тем не менее великолепно знала, что из холла крайнего подъезда вверх ведут три ступеньки, одна со щербинкой, а перила покрывает диковинный орнамент из виноградных листьев. Настя будто ощутила под пальцами резьбу и вздрогнула, из одной «лозы» торчал гвоздик. Хорошо знакомым казался и широкий квадратный двор, вот только раньше здесь не было кованых лавочек, садик украшали простые деревянные скамейки. Подавленная накатившими воспоминаниями, девушка в растерянности стояла у входа в дом, а потом, несмотря на то что ей следовало пересечь двор и идти дальше, вошла в подъезд.

В холле не было консьержки, очевидно, она отлучилась. Настя решила подняться по лестнице, пошла наверх и столкнулась с девочкой, которая несла на прогулку собачку.

– Осторожней, девушка, – предупредила та, – не держись за перила, из них гвоздь торчит! Мама руку поранила, папа хотел его забить, но консьержка не позволила. Такой вопль подняла! «Только въехали, а уже свои порядки устанавливаете. Да этот гвоздь здесь с основания дома! Не смейте по резным перилам молотком дубасить! Ща старшего по подъезду кликну». Во дура! Говорила же мама папке: «Давай купим собственный дом, еще неизвестно, какие соседи попадутся». Но отец уперся, хотел в историческом центре жить! И чего? Мать-то права! Вокруг одни психи! Гвоздь убрать не разрешают, он им, видите ли, дорог как память!

Девочка продолжала возмущаться, у Насти начала кружиться голова. Она побежала вниз, вышла на воздух, сделала пару вдохов, и тут из подъезда вышла девочка лет восьми-девяти с мусорным ведром в руке. Несмотря на холодный, вьюжный день, она была в легком спортивном костюме, ноги ее были обуты в пластиковые сланцы.

– Катя! – донесся сверху крик. – Немедленно вернись и надень пальто! Катерина!!!

Девочка фыркнула и понеслась в дальний угол двора, где стояли железные баки. Внезапно Настя как будто ощутила лед под ногами, за шиворот посыпался снег, в правой ладони была зажата холодная никелированная ручка, а по бедру било ведро. Все, больше Настя ничего не помнила.

Очнулась она у себя дома, снова, как десять лет назад, у ее постели сидела Зоя Андреевна.

– Доченька, – всхлипнула она, – ты как?

– Что со мной? – тихо спросила Настя.

– Ерунда, – вытирая слезы, ответила мать, – просто ты переутомилась, вот и упала в обморок. Светочка тебя в гости ждала, ждала, потом сообразила: что-то случилось, побежала к метро, а ты в проходном дворе лежишь. Слава богу, ничего не сломала!

– Мама, – резко спросила Настя, – кто я?

– О боже! – ужаснулась Зоя Андреевна. – Только не это! Неужели у тебя опять началась амнезия?

– Нет, – быстро ответила Настя, – наоборот, я все вспомнила.

– Что? – посерела Килькина.

– Свое детство, – задумчиво протянула Настя, – отца, мачеху, бабушку, кота Бублика. Я в тот день не послушалась Таню, вышла во двор почти голышом, подняла ведро и… конец. Очнулась в палате, ты рядом, на табуретке. Скажи, ведь моя фамилия Медведева? И я не твоя родная дочь? Так?

Зою Андреевну заколотило в ознобе.

– Ну и чушь ты несешь, – прошептала она.

– Врешь! – резко сказала Настя. – И мне больше лет! Я потеряла сознание у помойки на следующее утро после празднования моего десятилетия, мне не восемнадцать, а все двадцать. Вот почему я так отлично успевала в школе, просто уже один раз учила материал! Прошла программу первых классов во второй раз! Ну, мне пора!

– Куда ты? – одними губами спросила Зоя Андреевна.

– К отцу! – лихорадочно засуетилась Настя, вскакивая с кровати. – Представляю, как он волнуется. Да и бабушка Елена Сергеевна с ума сходит! Интересно, Бублик еще жив?

– Кто? – прошептала Килькина.

– Мой любимый кот, – ответила Настя, – ты вот не разрешала мне заводить животных, говорила про свою аллергию, а Таня, хоть и мачеха, купила Бублика. Я ее не любила из-за мамы.

– Кого? – лепетала Зоя Андреевна.

Настя бросилась к гардеробу, натягивая на ходу джинсы, она сказала:

– Моя мама умерла, Таня вышла замуж за папу, но я категорически не желала дружить с мачехой, все ее действия в штыки принимала, считала ее притворщицей. А вот сейчас сообразила: она меня любила, воспитывала! И в тот день я не надела шубку и сапоги из чистой вредности.

Зоя Андреевна заплакала, но Настя не стала ее утешать.

– Зачем ты мне врала? – сурово спросила она.

– Я никогда не лгу, – слабо засопротивлялась Зоя Андреевна.

Настя расхохоталась и убежала.

Таня замолчала и уставилась на меня.

– Дальше что? – спросила я.

Медведева сжалась в комок.

– Ничего. Настя в подробностях описала свою комнату в нашей квартире: где, что и как стояло. Рассказала массу деталей, известных лишь членам семьи. Представляешь, она, оказывается, будучи второклассницей, полезла в мой шкаф, хотела надушиться. Я не разрешала ей брать ни косметику, ни парфюмерию. Вовсе не из вредности или жадности, а из соображений здоровья, у ребенка могла возникнуть аллергия и…

– Не оправдывайся, – остановила я Таню, – тысячи родных матерей не подпускают детей к своим шкафам.

– Верно, – кивнула она, – мало ли что там обнаружить можно, и Настя в тот день нашла нашу секс-игрушку, фаллоимитатор. Ну, понимаешь?

– Да, – усмехнулась я.

– Я в самый дальний угол прибамбас прятала, – покраснела Таня, – за старое белье, укладывала в мешочек из розовой замши.

– Очень подходящая тара для искусственного члена, – не выдержала я.

– Ну тебя, – отмахнулась Таня. – Настя, обнаружив мешочек, ничего мне не сказала, она даже не поняла, что нашла. Но через пару дней к ней пришла «продвинутая» подруга Лина, Настя показала ей странную штуку и спросила: «Зачем это? Если мачеха прячет, значит, что-то очень нужное!» Лина захихикала и просветила одноклассницу.

«Жуть! – закричала Настя, засовывая „игрушку“ на место. – Какая гадость! Ты, Линка, врешь! Ну не могут люди ТАКИМ заниматься!»

Ни отцу, ни бабушке, ни мачехе Настя о фаллоимитаторе не рассказала, но сейчас подробно описала давнюю находку.

– Она его точно видела, – сказала Таня, – мы же, как ты догадываешься, о своих интимных привычках не трепались, откуда посторонней девушке знать и про розовый мешок, и про «резинового друга»? А еще Настю признал Бублик, ни на шаг от нее не отходит, лижет, лижет, лижет… Кот у нас с чувством собственного достоинства, он около чужого даже не сядет. А уж чтобы ласкаться! Да после пропажи Насти он никому так не навязывался!

– Ну и дела! – покачала я головой. – Бред какой-то! Получается, что кто-то по непонятной причине лишил ребенка чувств, потом Настя очнулась в городе на противоположном конце России, а около ее кровати сидела Зоя, назвавшая девочку своей дочерью?

– Выходит, так, – согласилась Таня.

– Но в чем мотив преступления? – продолжала недоумевать я. – Зачем было красть девочку, а потом переправлять ее невесть куда?

– Не знаю, – мрачно ответила Таня.

– И мне непонятно! Ладно бы, выкуп попросили! Но ведь десять лет от Насти не было сведений! В голову приходит лишь одна версия!

– Какая? – оживилась Таня.

– Зоя Андреевна хотела ребенка и организовала похищение Насти! Но только ничего глупее нельзя придумать. У Килькиной, если верить все той же Насте, не было денег. Предположим, что Зоя Андреевна наскребла средств на похищение, но за каким чертом ей десятилетняя девочка? Лучше украсть пеленочного младенца, тот стопроцентно никому слова не скажет. Вся эта история нелепа, нелогична и фантастична. А как восприняли ее Миша и Елена Сергеевна?

Таня открыла шкаф и схватила сигареты.

– Ты куришь? – изумилась я.

– Да, – подтвердила Медведева, – уже два дня. Мишка пришел в телячий восторг! Как же! Доченька вернулась! Не ожидала я от него такой наивности!

Сначала он, правда, насторожился, а потом повел Настю в свой кабинет для разговора.

– Тебя не пригласили?

– Нет, – зло ответила Таня, – Миша решил поговорить с девкой о покойной жене, о Ларисе. Меня он якобы хотел уберечь от беседы, знает, как я к его распрекрасной Ларочке отношусь! Не смотри на меня так. Я же никому слова не сказала, ни одной подруге не пожаловалась, но ведь мы живем втроем! Портрет Ларисы в гостиной на стене! Да и ее мамочка, Елена Сергеевна, постоянно рядом. Как в гости придет, а, поверь, она сюда часто заруливает, мигом ныть начинает, сладкий сироп льет: «Танечка, детонька! Ларисочка на небесах счастлива, смотрит на тебя и думает: „Ах, какая замечательная женщина около МОЕГО мужа“». Воображаешь, как приятно знать: за семьей бдит привидение! Сколько раз я просила Мишу: «Окороти старуху! Дай ей по губам!» Но нет! Мне замечание сделать, наорать на меня – это с дорогой душой, а вот бывшую тещу прижать – он не может. Опустит глаза и зудит: «Не ревнуй, Танюша! Лариса умерла, она тебе не соперница. У Елены Сергеевны в целом свете никого, кроме Насти и меня, нет. Ну не гнать же ее вон! Она на пенсии с голоду сдохнет!»

Выпалив последнюю фразу, Таня задохнулась, схватила стакан, налила в него воды прямо из-под крана, залпом выпила и продолжила:

– Я разве жадная? Охота ему эту жабу черной икрой кормить, нехай жрет. Не в этом дело. Ну дай бывшей теще деньги на жизнь, купи ей хавки – и хватит. Но ведь Елена Сергеевна у нас мать родная, мы ей поперек не вздыхаем! Через день она тут бывает, со стонами про Ларису, в поликлинику ее наш шофер катает, в театр и консерваторию Миша сопровождает. И кому он звонить кинулся, когда эта самозванка приперлась? Угадай с трех раз?

– Елене Сергеевне, – пожала я плечами.

Татьяна постояла молча пару секунд, потом швырнула на пол чашку, фонтан фарфоровых брызг взлетел в воздух.

– Моя любимая кружка, – зарыдала Медведева, садясь на корточки, – разбилась!

Я бросилась к бару, моя покойная бабушка Фася всегда говорила: «Лучшего средства от стресса, чем сладкий крепкий чай с коньяком, нет. Успокаивает почище любых лекарств».

Напоив Таню волшебным средством, я усадила ее на диван и прижала к себе.

– Прости, Дашута, – еле слышно выговорила она, – чего это меня по кочкам понесло?

– Ты сильно перенервничала, – попыталась я ее утешить.

– У нас хорошая семья.

– Никто не сомневается в этом.

– Конечно, Елена Сергеевна порой меня раздражает!

– Пожилые люди частенько бывают докучливы, своих-то родителей трудно вынести, а у тебя бывшая теща мужа! Не всякая жена согласится постоянно иметь перед глазами напоминание о прошлой жизни супруга.

– Нет, мы с ней вполне ладим!

Я промолчала. До сих пор я совершенно искренне считала Медведевых образцовой парой. Но, как видите, ошибалась, между тремя взрослыми членами семьи сложились непростые отношения. Хотя разве бывают в природе безмятежно счастливые браки? Похоже, нет. Кое-кто из любящих родственников выясняет отношения при помощи кулаков, сковородок и кухонных ножей. А Медведевы цивилизованные, интеллигентные люди, ну ругаются изредка, так это в порядке вещей. И потом, с какой стати Танюше любить Елену Сергеевну? Правда, старуха очень помогала ей с Настей, практически служила у Медведевых нянькой.

– Елена Сергеевна узнала внучку, – прошептала Таня.

– По каким признакам?

– По шраму от аппендицита, девочке в восемь лет делали операцию.

– Это не такая уж редкая примета, – уточнила я, – у многих есть рубец.

– Верно. Но еще родинки.

– Где? – заинтересовалась я.

– На ноге, у щиколотки, – пояснила Таня, – из-за них девочку и назвали Настей.

– Почему?

Таня криво ухмыльнулась.

– Лариса на всю голову долбанутая была! Не забудь, я с ними в одном дворе жила. Такая противная, медлительная, ходила, словно боясь расплескать свое достоинство, ее все терпеть не могли.

– Противная?

– Не передать словами! Вечно замечания людям делала и очень собой кичилась. Считала только свое мнение правильным, а себя – венцом совершенства. Елена Сергеевна такая же. Представляешь, она простыню во дворе вывесила.

– Сушить после стирки?

Таня засмеялась.

– Нет. Наутро после свадьбы! Вот был цирк! Вообрази картину. Полдень, воскресенье, наши сплетницы на лавочках сидят, день солнечный, теплый. В общем, греют жабы пупырышки, и тут из подъезда выпархивает Елена Сергеевна и заявляет:

«Люди добрые! Смотрите сюда! Ларочка вчера замуж вышла непорочной девушкой! Вот простыня!»

И на веревку полотнище вешает с кровавым пятном. Народ прямо офигел. Знойный спектакль. Все и раньше в курсе были, что старшая Кругликова со съехавшей крышей, но размера бедствия не представляли. Во! Шоу одинокой девственницы! До сих пор люди ржут.

Когда Настя появилась на свет, внимательная бабушка усмотрела у нее на лодыжке несколько родинок, выстроившихся в виде буквы Н.

– Господь имя указал! – воскликнула Елена Сергеевна. – Девочку Настей крестить надо.

– Настя – это Анастасия, – напомнил зять, – если отталкиваться от буквы Н, то есть масса других имен: Нина, Наталья, Наина, Нелли.

– Настя, – стояла на своем бабушка.

Молодые решили не ссориться со старухой, ни мать, ни отец не имели ничего против имени Анастасия.

Так вот, узнав о воскресшей внучке, бабуля прилетела к Мише с Таней и велела девушке показать ногу.

– Это она! – зарыдала престарелая дама. – Н на месте.

И Миша бросился обнимать вновь обретенную дочь.

– Где сейчас девушка? – спросила я.

– Они с Мишей поехали к Зое Андреевне, хотят задать ей пару вопросов, – ответила Таня.

– Всего пару? Лично у меня к ней имеется по крайней мере с десяток, – заявила я, – и лучше бы пригласить милицию! Ясно же, Зоя в курсе произошедшего! Она знает организатора похищения.

– Миша сказал, что не стоит впутывать ментов в семейное дело, – прошептала Таня, – сами разберемся. Сейчас везде народ продажный, стукнут в «Желтуху»,

и понесется вой. А нам скандал не с руки, Миша собрался баллотироваться в депутаты.

– Ясно, – протянула я, – подходящий момент выбрала судьба, вернула Настю именно тогда, когда требуется тишь да гладь. А зачем я тебе понадобилась?

Таня набрала полную грудь воздуха.

– Это не Настя! – выпалила она.

Глава 4

Я вынула из сумки сигареты.

– А кто?

– Не знаю! Самозванка!

– А родинки на ноге?

– Это совпадение.

– Маловероятно.

– Настя мертва, давно! – затопала ногами Таня.

– Но девушка описала вашу квартиру!

– Ерунда! Ее же готовили, рассказали о старом интерьере.

– А фаллоимитатор в розовом замшевом мешке? Сама только что утверждала, будто о нем знала лишь Настя.

– Она еще кому-то проболталась! Настя умерла! Стопудово! Я знаю!

– Откуда?

Медведева замерла, потом тихо сказала:

– Гитану помнишь?

– Кого?

– Алмазову, жену Василия Никоненко.

– Да, да, конечно!

– Она цыганка, мать Гитаны сбежала из табора, – продолжала Таня, – но гадать не разучилась. Когда Настя пропала, я к Гитанке побежала. Ее мать карты раскинула и сказала: «Не люблю плохие вести сообщать, но девочка умерла страшной смертью, над ней поиздевались и задушили».

– Самой тебе не смешно? – поморщилась я. – На основании дурацкого гадания ты делаешь выводы? Зачем девушке обманывать вас? Какой смысл прикидываться пропавшей дочерью Михаила?

Татьяна расхохоталась.

– Ты наивная маргаритка! Знаешь, сколько наша фирма дохода приносит? Это лакомый кусочек для жадных ртов. А еще Миша в депутаты метит! Посмотри кругом! Живем, правда, в прежней квартире, но сделали в ней шикарный ремонт. На стенах коллекция картин, в шкафах уникальный фарфор. Соображаешь, на какую сумму тянут хоромы в историческом центре Москвы? Не один миллион зеленью выручить можно. Значит, мотив – бизнес и жилплощадь. Теперь дальше. Дом в поселке, дача то бишь! Участок в гектар, коттедж двухэтажный, типа вашего ложкинского. Цену назвать?

– Не надо! – покачала я головой.

Таня подняла указательный палец.

– Во! Смотри, как удобно! Сначала девица поживет в обеспеченной семье, а после нашей смерти загребет жирный кусмандель.

– Вы пока умирать не собираетесь.

– Все под богом ходим! – мрачно заявила Медведева. – Еще неизвестно, что у красотки на уме! Кстати, у Елены Сергеевны тоже полно добра! Опять же квартира, правда, похуже нашей, но на миллион долларов потянет, всякие там брюлики-шмулики… Неплохой куш для самозванки? Только ты можешь мне помочь!

– Но как? – поразилась я.

– Надо доказать, что она не Настя!

– А кто?

– Килькина! Дочь военного, дворняжка!

Я вытаращила глаза.

– В милицию я обратиться не могу, – твердила Таня, – к частному детективу тоже. Деньги возьмет, ни хрена не сделает, или, еще хуже, раскопает правду и сольет информацию в прессу! А ты своя, ты же поможешь? Да? Мне очень, очень плохо!

– И что прикажешь делать? – окончательно растерялась я.

– Необходимо найти тело Насти! – заявила Таня. – Ее убили! Гитана никогда не ошибается!

– Даже если предположить невероятное – что я сумею обнаружить могилу ребенка, – то, думаю, за десять лет от трупа ничего не осталось!

– Ты просто не хочешь мне помочь, – горько заплакала Таня. – Я уверена: Настю убили, эта дрянь водит Мишку за нос! И неизвестно, что она предпримет! Вдруг задумала отравить нас? А? Скажи?

– Ладно, ладно, – закивала я, – для начала нужно побеседовать с Зоей Андреевной. У тебя есть ее адрес?

– Миша в книжку записал, – сказала Таня. – Зачем тебе она?

– Ну как же! Смотри, у нее была дочь Настя, которая, попав в больницу, вышла оттуда с амнезией. Если представить, что Килькина всех обманывает, тогда возникает естественный вопрос: а была ли девочка?

– Чего? – растерялась Таня.

– Получается, что было две Насти, – попыталась я растолковать Тане свою версию, – одна Килькина, вторая Медведева. Если Зоя забрала из больницы последнюю, то где первая? Неужели она оставила собственного ребенка в клинике?

– Может, никакой Килькиной не существовало, – фыркнула Таня.

– Вот, – сказала я, – отсюда и начнем. Я использую свои связи, попрошу навести справки, но мне необходимо иметь точные данные о Зое, ее муже и самой Насте. Сумеешь их достать?

– Легко, Настя скоро вернется, я расспрошу ее! А хочешь, сама оставайся! Кстати, почему они так задержались?

Не успела Таня удивиться, как из прихожей послышался стук двери и шаги.

– Вернулись, – лихорадочно зашептала Танюша. – Дашка, умоляю, не подавай виду, она не должна догадаться, что мы ее раскусили, изображай радость, обнимай эту сволочь, плачь… ну не знаю, как тебе себя вести. Необходимо усыпить ее бдительность, и…

Конец фразы Таня проглотила – в просторную кухню-гостиную вошел Миша и, не заметив меня, велел жене:

– Сделай кофе, да покрепче, не вари, как всегда, бурду!

– Если тебе не нравится моя готовка, можешь пойти в ресторан, – мгновенно подбросила поленья в костер ссоры Таня, – или сам берись за джезву.

Миша нахмурился, но тут в кухню вошла симпатичная блондинка и сказала:

– Добрый день или уже вечер, наверное! Хотите, я всем кофе сварю? У меня здорово получается! Если Тане трудно, мне не в лом!

Я уставилась на Настю. Замечали ли вы, что все блондинки похожи друг на друга? Может, это из-за сегодняшней моды на длинные волосы с неровно постриженными прядями? Или светлая кожа, голубые глаза и розовая помада делают нас клонами? Во внешности самозванки не было ничего особенного, в толпе подобное лицо не выделяется, скользнешь по нему взглядом и через секунду забудешь, нет ни особых примет, ни яркой индивидуальности – широко растиражированный образ. Вот так, посмотрев на девушку, невозможно сказать, является ли она дочерью Миши. В последний раз я видела Настю более десяти лет тому назад, когда приезжала поздравлять Таню с днем рождения. За прошедшие годы она выросла, сильно изменилась, из милой малышки превратилась во взрослую девушку. За это время внешность девочки могла радикально измениться. Исчезни Настя в двадцать лет и «воскресни» в тридцать, она была бы узнаваема, в сорок и пятьдесят тоже, но десять и двадцать сильно разнятся друг от друга, неизменным останется лишь цвет глаз. А теперь вспомним, сколько в России голубоглазых девушек?

– А я вас помню! – заулыбалась Настя. – Вы Маша!

– Попробуй еще раз, – старательно изображая добродушие, ответила я, – похоже, да не то!

– Даша! – хлопнула себя по лбу девица. – Маша ваша дочь! О! Теперь я и про туфли вспомнила!

– Туфли? – невольно повторила я.

Настя кивнула и пошла к плите. Походя она открыла шкафчик, вытащила банку с арабикой и, насыпая в джезву ароматный порошок, сказала:

– Мне постоянно сон снился, про розовые лодочки с цветочком! Вот я вас сейчас увидела, и как ракета в голове взорвалась. Вспомнила! Вы же их мне подарили! Купили Маше, а ей они не подошли!

Я порылась в памяти и извлекла из нее один эпизод. В приснопамятные советские годы я, постоянно озабоченная добыванием денег, пристроилась подрабатывать в объединение «Интурист». Взяли меня туда внештатно, рассчитывались со мной сдельно: пробегала неделю, получи за семь дней. Устроиться толмачом, сопровождающим иностранцев по Москве, в те годы было практически нереально, каждого кандидата под лупой изучало КГБ. С моими многочисленными разводами было трудно прошмыгнуть в элитное сообщество, но у меня имелось очень весомое преимущество – я в совершенстве владела французским языком. Если вы думаете, что все переводчики хорошо знают язык, то глубоко ошибаетесь. Очень часто они несут жуткую отсебятину, искажают фразы, неправильно передают их смысл, а уж сленгом владеют единицы.

Не так давно мне довелось присутствовать в Париже на вечеринке, которую устраивала некая фирма, связанная с производством труб. Так вот, один из хозяев банкета, слегка подвыпив, произнес тост:

– Ну, нам удачи и бабок побольше!

Переводчик-француз на секунду завис, а потом лихо перевел фразу для своих соотечественников:

– Предлагаю выпить за дам!

Хорошо хоть, из чисто французской галантности, он не произнес: «Опрокинем рюмашку за старух».

Когда официальная часть торжества завершилась и народ начал наливаться алкоголем, я подошла к толмачу и сказала:

– Бабки – это деньги! Вы неверно передали смысл тоста.

Переводчик изумился:

– В смысле?

– Смысла нет. Слово «бабки» в данном контексте следует перевести как рубли или доллары, – пояснила я.

Француз выпучил глаза.

– Он предлагал выпить за шлюх?

– Нет, – сдерживая смех, ответила я, – за деньги.

– Старухи, которые продаются? – не врубался переводчик. – Тот русский геронтофил! О, ля-ля! Однако он смелый человек, не всякий прилюдно признается в своих секс-пристрастиях!

– Да нет! Он вел речь о валюте! – я упорно пыталась внедрить в мозг дурака правильную информацию. – Об ассигнациях! Средство расплаты!

– А при чем тут бабушки? – изумился переводчик.

Я махнула рукой и ушла. Бабушки здесь ни при чем, но если берешься за ремесло переводчика, то надо хоть изредка покупать книги и газеты на том языке, с которым работаешь.

Кстати, иногда меня поражают и пассажи в книгах. Читала намедни детектив, переведенный с французского, и пришла в глубочайшее изумление. Один из главных героев – военный, педант до мозга костей. Автор на двадцати страницах описывает, как этот генерал гладит брюки перед торжественным вечером, где ему должны вручать награду. Далее следует рассказ о церемонии, цитирую почти дословно: «Он шел по скрипучим половицам сцены, ощущая невероятную гордость. Да, настал звездный час его карьеры, пик успеха! Начищенные ботинки сверкали, как зеркало, складка на брюках походила на бритвенное лезвие. Вот приближается министр, сейчас он приколет орден к

кителю генерала, который уже украшают пятна компота и куски сухофруктов». Прочтя последнюю фразу, я сначала не поняла, о чем речь. Минуточку, каким образом френч чистюли оказался в пятнах? Вояка промочил горло в буфете и облился компотом, забыв привести себя в порядок? Ну ладно пятна, их, увы, никуда не деть! Однако ломтики сухофруктов! Почему он их не стряхнул? Но уже через секунду недоумение прошло и я начала смеяться. «Компотом» французы именуют разноцветные планки, украшающие мундиры. Чтобы не звенеть орденами и медалями, когда их много, бравые военные прикручивают или пришивают такие полоски. Вот их-то и называют «сухофруктами». А глупый переводчик так и написал – компот.

Ну да я отвлеклась. Одним из положительных моментов работы с иностранцами была отличная зарплата, вторым – возможность купить у них вещи. Те, кто приезжал в Россию не первый раз, хорошо знали, что надо иметь при себе блок жвачки, джинсы, мужские рубашки, женское белье, косметику, пластинки с записями поп-музыки… Мы хватали все без разбора, радовались сигаретам, жвачке, дезодорантам. Очень хорошо помню, как одна француженка перед отъездом сунула мне пачку прокладок и сказала:

– Это тебе за хорошую работу.

Думаете, я возмутилась и швырнула ей в лицо упаковку? Ан нет, пришла в полный восторг, советским бабам это было в диковинку. Я берегла прокладки, пользовалась ими лишь в особых случаях и чуть не заплакала, когда коробочка опустела.

В начале девяностых годов прошлого века с товарами и продуктами стало еще хуже, чем при коммунистах, с прилавков исчезло все. Представьте мой буйный восторг, когда один вертлявый гасконец привез розовые лаковые туфельки с ремешками и кружевными цветочками? Я принесла туфли домой, Маша всунула в них ножки и захныкала:

– Пальцы упираются, больно.

– Ерунда, – заявил Аркадий, – можно их подогнуть и форсить в обновке.

Машка покраснела, засопела и отчаянно заревела:

– Неудобно!

– Очень уж ты нежная, – констатировал добрый братец, – если б мне новые ботинки перепали, я не стал бы кривляться! Мать, может, ей пальцы того, чик-брик?

Маруська кинулась лупить Аркадия, а я положила лодочки в коробку и отвезла их Медведевым. У Насти размер ноги был меньше, чем у Маши, ей туфельки подошли идеально.

Глава 5

– Ну, вспомнили? – улыбалась Настя. – Такая шикарная обувь! Жаль, что кто-то из детей в садике одну розочку отодрал, я так рыдала, обнаружив ее отсутствие.

– Ты Настя? – робко спросила я.

– А вы сомневаетесь? – усмехнулась девушка.

– Ну… нет… – протянула я, – хотя… не обижайся…

– И не думаю, – снисходительно кивнула она. – Я понимаю ваше недоумение.

Громкий звонок прервал нашу беседу.

– Кого черт принес? – зло спросил Миша и пошел в прихожую.

– Вы поговорили с Зоей? – спросила Таня.

Настя помотала головой, сняла джезву с огня и посмотрела на мачеху.

– Где чашки?

– Ты же тут жила, – ядовито ответила Медведева, – почему интересуешься? Возьми, где они стояли!

Настя вздернула брови.

– Раньше вы посуду держали в сушке у раковины, на столике красная пластиковая подставка была. Но ведь вы ремонт сделали! Кухня теперь другая!

– А ты помнишь старую? – не сдалась Таня.

– Конечно, – сказала Настя, – самая простая была, серая, в розовых цветочках, занавески в бело-красную клетку, люстра пятирожковая, холодильник «Минск», он вон там стоял, теперь угла нет, разрушили.

– На подоконнике были цветы, – вдруг перебила падчерицу Таня.

Я с изумлением посмотрела на нее, чем-чем, а выращиванием растений она никогда не занималась!

Настя прикусила губу, нахмурилась, потом ее лоб разгладился.

– Нет, – с облегчением сказала она, – хоть пока я не все точно в деталях вспоминаю, но на подоконнике вечно бардак был. Там всякая ерунда валялась: телефонная книжка, карандаши, ручки, коробка с нитками… Никаких горшков не было. Тань, ты чего? У тебя даже кактусы сдохли! Помнишь, папа подарил тебе, такой зеленый, с красной «шапочкой»? Месяца он не протянул, корешки откинул!

Таня порозовела.

– Так ты помнишь? – настойчиво повторила вопрос Настя.

– Нет! – с вызовом ответила Таня.

– Значит, у меня память лучше! – обрадовалась девушка и повернулась ко мне: – Вот видите, тетя Даша, Таня не может про кактус рассказать, однако никто ее в обмане не подозревает. А вдруг Таня – это не Таня? Может, она мошенница, а?

Пусть докажет, что это не так!

Обычно жена Миши за словом в карман не лезет, переспорить или переорать Таню не стоит даже пытаться, безнадежное дело! Но сейчас она лишилась дара речи. Я тоже на пару секунд онемела, но потом ринулась на защиту своей знакомой:

– Во-первых, не обращайся ко мне «тетя», можешь звать меня просто Даша. А во-вторых, Таня никуда не исчезала, она постоянно у нас на глазах.

– Ха, – ухмыльнулась Настя, – а теперь представьте, что настоящая Таня исчезла, украли ее. Утром ушла на работу одна, а домой вернулась другая! Очень похожая! Сестра-близнец! Кто заметит подмену?

– Офигела? – отмерла Татьяна. – Раскудахталась тут! Не пори чушь! Я у матери одна!

– И откуда это известно? – вскинула брови Настя. – Может, мамочка тебе правду не рассказала? Вон по телику сериал показывают, в тему! Про двойняшек! Их разделили, а потом одна другую придушила!

Высказавшись, Настя схватила чашку со стола, налила в нее кофе, отхлебнула и закатила глаза.

– М-м-м! Супер! Пробуйте! Очень вкусно.

– Она сумасшедшая? – с надеждой в голосе спросила Таня. – Психопатка? Какие близняшки?

– Я нормальная, – отрезала Настя, – просто хотела вам продемонстрировать, что можно легко усомниться в подлинности любого человека! Почему Таня мне не верит?

– Солнышко мое, – закудахтали из коридора, – детонька! Бабуля принесла твои любимые пирожки!

Танины щеки из розовых стали бордовыми, в гостиную, как торнадо, ворвалась Елена Сергеевна. Несмотря на преклонный возраст, мать первой жены Миши выглядит замечательно, она тщательно следит за собой, накручивает волосы на бигуди, пользуется косметикой и носит красивые костюмы.

– Бабушка! – кинулась к ней Настя.

– Котеночек, – засюсюкала старушка и обняла внучку.

Миша, который вошел следом за тещей, принялся вытирать платком глаза. Таня побледнела.

– Ну-ка скажи, лапочка, – квохтала Елена Сергеевна, освобождаясь из объятий девушки, – какие пирожки ты обожаешь? С капустой или с мясом?

– С капустой, бабуся, – быстро ответила Настя, – если ты их как раньше печешь, а в начинку добавляешь крутое яйцо!

По щекам Елены Сергеевны поползли слезы.

– Это моя Настенька, – завсхлипывала экс-теща, – любимая! Ларочка смотрит сейчас с небес и радуется! Нашлась наша девонька! Нежная, ласковая, солнечный зайчик!

– Хорошо, что вы не слышали, какой детектив ваш зайчик сейчас придумал! – взвизгнула Таня.

– Ты чего несешь? – обозлился Миша.

Настя подошла к отцу и прижалась к нему, он одной рукой обнял дочь за плечи и велел жене:

– Глупости не болтай! В нашей семье радость! Мы с Еленой Сергеевной нашли родную кровь! Хотя тебе-то чего ликовать! Настя ведь не твоя дочь, ты мне ребенка так и не сумела родить, а сейчас злишься и дудишь: «Не она, не она!»

Лицо Тани приобрело столь отчаянное выражение, что я пришла ей на помощь:

– Танюша не сомневается, если так можно выразиться, в подлинности Насти.

– При чем тут тогда детектив? – сменив тон, спросил Миша.

Я лихорадочно пыталась придумать оправдание для Тани, и тут Миша взял джезву, достал из шкафчика чашку, налил в нее кофе, отхлебнул и скривился.

– Лучше бы научилась готовить по-человечески, – упрекнул он жену, – чего туда напихала? Дерьмо какое-то!

– Это варила наша Настенька, – проворковала супруга.

Муж закашлялся, потом заявил:

– Непривычно, но вкусно!

И тут меня осенило.

– Давайте спокойно сядем за стол и поедим пирожков. Танюша просто вспомнила, как Настя любила в детстве рассказы про сыщика и вора! Я когда-то подарила девочке книгу, большую с золотым обрезом. Настя перечитывала ее постоянно! Помнишь?

– Конечно, – улыбнулась та. – Здоровенный том было трудно держать! Но меня очень увлекали приключения. Правда, потом я больше полюбила русские народные сказки. В особенности, эту… э… про…

– «Гуси-лебеди»? – решила подсказать Елена Сергеевна.

– «Морозко», – громко заявила Настя, – вот моя самая обожаемая история, я наизусть ее выучила и даже разыграла по ней спектакль!

Таня уронила чашку и вскочила со стула.

– Вот косорукая! – заохала Елена Сергеевна. – Скорей хватай тряпку, не стой столбом! Снимай скатерть, испортится! Кофе очень трудно отстирать. В доме

есть пятновыводитель?

– Да пошли вы все! – с чувством произнесла Татьяна и убежала.

– Какая грубиянка! – возмутилась старуха.

– Таня просто перенервничала, – неожиданно встала на защиту мачехи падчерица, ловко стаскивая скатерть, – сейчас я машинку запущу. У вас ведь автомат?

– Да, – кивнул Миша, – справишься?

– У Зои такая же! – ответила Настя, уходя в коридор.

– Хозяйственная! – умилилась Елена Сергеевна. – Вся в мать-покойницу! Как бы сейчас радовалась Ларочка!

Миша глянул на бывшую тещу, в его глазах промелькнуло раздражение, и я в который раз за последний час решила выступить в роли миротворца:

– Кстати, о Зое Андреевне, вы поговорили с ней?

– Нет, – пожал плечами Миша.

– Почему? – удивилась я. – Таня сказала, будто вы с утра к ней уехали.

– Верно, – кивнул Медведев, – мы пришли, начали звонить, дверь никто не открыл. Настя предположила, что Зоя в магазин ушла, подождали, она не возвращается. Ну сходили сначала в кино, потом в ресторан, решили: Килькина на работе. Настенька ее график не помнит, все сомневалась, считала в уме – Зоя сутки дежурит, трое дома.

– А где она служит?

– В охране.

– Где? – изумилась я.

– В охране, – повторил Миша.

– Туда берут немолодых женщин? – еще сильней удивилась я. – А Таня говорила, что Зоя домработница у генерала.

– Он умер, – вклинилась в разговор вернувшаяся в кухню Настя, – года два назад, и генеральша тоже покойница. Зоя пристроилась в санаторий в Подмосковье. Папочка неправильно сказал, она не в охране, а на рецепшен служит.

– Ясно, – кивнула я.

– Неинтеллигентная работа, – поджала губы Елена Сергеевна, – я бы на такую не пошла! Фу!

Настя отвернулась к окну, Миша начал барабанить пальцами по столешнице, а я проглотила вертевшуюся на кончике языка фразу: когда есть нечего, согласишься на любую работу. Какое право имеет Елена Сергеевна осуждать других? У нее-то есть зять, порядочный человек, содержащий мать покойной жены, другим так не повезло.

В гостиной повисло тягостное молчание.

– Мы оставили ей записку, – нарушила гнетущую паузу Настя. – Указали все папины телефоны и попросили звонить, воткнули бумажку в дверную щель.

– Почему не оставили в квартире? – удивилась я.

Миша и Настя переглянулись.

– Мы не входили внутрь, – пояснил Медведев.

– Я не желаю делать даже шага туда, где меня обманывали, – с пафосом заявила Настя, – и не заговорила бы никогда с Зоей, но ведь надо расспросить ее.

– Благородная девочка! – заломила руки Елена Сергеевна. – Мишенька, ты обязан восстановить дочери документы. Солнышко, что за фамилия у тебя сейчас?

– Килькина, – засмеялась Настя.

– Какой ужас! – затрясла головой старуха.

– Насколько я знаю, получить новый паспорт сразу не получится, – протянул Миша, – нам предстоит дикая головная боль.

– Она останется Килькиной? – закатила глаза Елена Сергеевна. – Ларочка в гробу переворачивается! Моя бедная доченька! Мишенька, ты боишься реакции Тани? Но ведь она не Медведева по рождению! Взяла твою фамилию после свадьбы. Ладно, давай оформим Настю Кругликовой. Будет как Ларочка.

– Вот и нетушки! – уперлась Настя. – Я хочу вернуть свою фамилию! Медведева! Вы мне не верите? Да?

– Я всего лишь сказал, что получение новых документов непростой процесс, – звенящим голосом перебил ее Миша, – и уж извини, Настя, тебя признали умершей, потребуется обратная бюрократическая процедура!

– Зачем вы позволили похоронить меня живой? – простонала Настя. – Неужели сердце не подсказало, что я не погибла!

Миша начал кашлять, а Елена Сергеевна, опрокинув табуретку, кинулась к внучке.

– Я протестовала, – закричала старуха, – но Таня ничего слышать не захотела!

– Даша, – раздалось из холла, – у тебя мобильный звонит!

Я встала на ватные ноги и побрела к двери.

– Настюша, – решительно заявил Миша, – Елена Сергеевна права, мы виноваты! Не верили в твое возвращение! Но сейчас, клянусь бизнесом, в рекордно

короткий срок я верну тебе фамилию Медведева и восстановлю среди живых. Наплевать на законный порядок, заплачу побольше, и новый паспорт в зубах к нам домой принесут.

Настя кинулась отцу на шею, Елена Сергеевна зарыдала, а я выбралась из гостиной и увидела мрачную Таню с моим сотовым в руке.

– На, – протянула она трубку, – похоже, твоя девка на аппарате.

– Мусенька, – затараторила Маша, – ты где?

– В гостях, – туманно ответила я.

– А когда вернешься?

– Уже скоро. У нас что-то случилось?

– Ну… в принципе… – замялась Маруська.

Тревога охватила меня. В нашей семье слишком много живых душ, чтобы хоть одни сутки прошли мирно. Если у Зайки нормально прокатил телеэфир и она благополучно добирается домой, не протаранив по пути ни одну машину, то у Кеши подзащитный получает большой срок. Коли адвокатские дела в порядке и Ольга с Аркадием пребывают в чудесном настроении, значит, Дегтярева вызвал на ковер генерал и поставил нашему полковнику клизму за невыполнение процента раскрываемости. Но представим на секунду, что у Александра Михайловича полнейшая идиллия на службе, все злодеи пойманы, посажены, свидетели не разбежались, судья не вернула дело… Тогда… что тогда? Ясный день, у Машки беда с рефератом или она потеряла недавно купленный мобильный вместе с телефонной книжкой.

Ладно, пусть и у Мани полный штиль. Кто у нас остался? Ирка! У нее начнется припадок ревности, она накинется на Ивана, мы лишимся не только садовника, но и чистых полов. Правда, Ира отчаянная лентяйка, но раз в неделю она непременно развозит грязь по углам. Если у людей не произошло форс-мажора, то он случится у собак и кошек. Хуч начнет кашлять, у Банди откроется понос, Снап измажется в дерьме, и его придется мыть, Черри сопрет пластиковую

бутылку с кетчупом и сожрет его на кровати у Зайки, застеленной белым покрывалом. Короче, я привыкла к катаклизмам и прожитые без стресса сутки считаю чем-то невероятным. Поэтому сейчас я мужественно подавила подбирающуюся панику и принялась допрашивать Маню:

– Все живы?

– И здоровы, – заверила девочка.

– И животные?

– Да.

Мне стало легче.

– Кто-то разбил машину?

– Тачки целы.

– С дома сорвало крышу?

– Не-а, – засмеялась Маня, – Ирка не убила Ивана, нас не затопило, не сожгло, не занесло бураном.

– Значит, ничего ужасного?

– Просто катастрофа, – заговорщицки прошептала Маня, – приехала…

Глава 6

На секунду я перестала воспринимать Машкины слова. Всего-то гости! Эка невидаль! Конечно, я не особо обрадовалась, мы только-только проводили тетушку из Брянска и хотели пожить спокойно. Но, согласитесь, очередной визитер намного лучше других неприятностей!

– Такого я еще не видела, – бубнила Маша, – она ползает!

– Гостья? – очнулась я.

– Нет, Джульетта, – сказала Маруська, но я пресекла разговор.

– Сейчас мне некогда! Вернусь домой, и поболтаем.

– Ты только не задерживайся, – простонала Маня, – это чума, я в глубоком нокдауне.

– Уже выезжаю, – пообещала я и сунула трубку в карман.

Беспокоиться, похоже, не о чем. Ну прибыла к нам некая Джульетта, которая ползает! И в чем проблема? Я, между прочим, тоже могу передвигаться подобным образом. Если жизнь заставит елозить на карачках, придется подчиняться обстоятельствам.

– Хорошо тебе, – с неприкрытой завистью заявила Таня, – а у меня крутая фигня! Во как орут! Мишка собрался дочурке документы делать! Ну она и пройда! Не успела в доме появиться, уже мужика подмяла.

– У нас мало времени, – перебила я Таню, – давай выработаем план действий. Если Мише удастся в обход установленного законом порядка ускорить получение паспорта на имя Анастасии Михайловны Медведевой, твои проблемы возрастут в геометрической прогрессии.

– Ты мне поверила, – зашептала Таня и начала подталкивать меня в свою спальню, – а как ты догадалась, что девка аферистка?

– Я никогда не дарила Насте толстую книгу с золотым обрезом с детскими детективными историями, специально придумала это, и девица не прошла проверку. Настоящая Настя сказала бы: «Не помню ничего такого», а эта мгновенно согласилась.

– Йес! – погрозила кулаком невидимому противнику Таня. – Мы ее сделали, побежали!

– Куда?

– Надо рассказать Мише правду!

– Постой, – охладила я порыв Татьяны, – не спеши. Это еще не доказательство, а так, мелкий штришок, свидетельствующий о том, что неожиданная гостья способна соврать.

– Ох и ничего себе! – возмутилась Медведева.

– Спокойно! Ну расскажем мы о ловушке и чего добьемся?

– Чего? – по-детски взволнованно переспросила Танюша. – Миша ее выгонит!

– А если девчонка зарыдает и заявит: «Да, я солгала. Не помню про книжку, испугалась, что вы посчитаете меня самозванкой, вот и решила подыграть Даше». Тогда как?

Таня прикусила нижнюю губу, ее глаза начали наливаться слезами.

– Я знаю точно, Настя давно мертва, а эта б… явилась зацапать наследство!

– Пусть так, тогда тем более не следует ее выгонять!

– Да почему? – взвыла Таня.

– Рассуди сама. Настя ответила правильно на большинство вопросов, и ее признал Бублик.

– Она самозванка!!! Мошенница!!! Никогда не бывала у нас!

– Вот-вот, – закивала я, – но девушка в курсе многих семейных подробностей. В частности, о фаллоимитаторе в розовом замшевом мешочке знала только родная

дочь Миши.

– Куда ты клонишь? – напряглась Таня.

– Реши логическую загадку. Дано: Настя в курсе секрета в мешочке. Приехавшая девушка рассказывает о секс-игрушке. Больше никто не владел информацией. И каков вывод?

– Она Настя, – прошептала Таня, – но этого не может быть! Мишина дочь убита! Зарыта в лесу!

– Значит, Настя рассказала про искусственный член некой девочке, которая теперь решила использовать эти сведения в своих интересах!

Таня прижала ладони к щекам.

– Думается, дело обстояло так, – зашептала я. – Настя и эта лжедочка встретились неведомо где и длительное время общались. Настя рассказывала всякие подробности о себе, а потом… умерла. Подруга надумала взять себе ее имя, чтобы влезть в обеспеченную семью. Дело практически беспроигрышное, за десять лет маленькие девочки сильно меняются, она ничем не рискует, все вопросы о внешности легко объяснить: «Я выросла, поэтому черты лица изменились». Общее же впечатление осталось прежним: голубоглазая блондиночка со шрамом от аппендицита и родинками на ноге. Мы обязаны сделать вид, что поверили ей!

– Да зачем? – взвилась Таня.

– Неужели тебе не интересна судьба Насти? – поразилась я. – Врунья явно знает, где та провела время после исчезновения. Мы способны разузнать правду про малышку. У меня есть две версии.

– Какие? – устало спросила Таня.

– Она Настя. Она не Настя. В любом случае проливается свет на судьбу несчастного ребенка. Сейчас главное – побеседовать с Зоей! Вот кто способен рассказать много интересного! У нее была дочь? Или Настю взяли из больницы?

Где расположена клиника?

– У тебя опять мобильный звонит, – прервала меня Таня.

– Нет, он в кармане и молчит.

– Слышь? Орет!

В коридоре послышались шаги, затем нежный голосок Насти сказал:

– Алло! Да, я! О-о-о! Нет! Стойте! Папа!!!

– Не кричи, доченька, – ласково произнес Миша.

Таня стиснула ладонью мое плечо, я вздрогнула, пальцы Медведевой походили на раскаленные угли.

– «Не кричи, доченька», – передразнила она мужа, – идиот!

– Тише, – шикнула я.

– Говорите, – сказал Михаил, – именно так, я отец Насти. Что? Вы не ошиблись? Таня! Таня! Сюда скорей!

Мы выскочили из спальни, хозяин стоял у вешалки, держа в руках ярко-желтую трубку, украшенную охапкой висюлек из бисера.

– Насте позвонили из милиции, – обморочным голосом заявил Миша, – Зоя Андреевна покончила с собой, повесилась в туалете на трубе.

– Боже! – ахнула Татьяна и затряслась, как мышь, попавшая под град.

У меня возникло нехорошее подозрение, оно росло, царапало когтями сомнения.

– Это точно самоубийство? – спросила я.

– Так сказали, – прошептала Настя, – вроде она умерла вчера! Господи! Мы звонили в дверь, стучали, злились, а в квартире…

Миша схватил девушку в охапку.

– Тише! Зоя приняла решение уйти из жизни, и ты тут ни при чем!

– Это точно самоубийство? – тупо повторила я.

– Сказали, что Зоя оставила письмо, – протянул Миша, – короткое. «Простите. Больше не могу. Сил нет, слишком горячая грелка!» И подпись. Похоже, у ментов сомнений не возникло. Наверное, ее что-то допекло, думаю, под грелкой она имела в виду свою жизнь. И следователь так же считает. Спрашивал, заберем ли мы тело?

Внезапно Настя рухнула на пол и стала биться головой о плитку.

– Я! Я! Виновата! – выкрикивала она, впечатываясь лбом в каменные квадраты. – Может, я ошиблась? Я не твоя дочь, а Настя Килькина? Убила родную мать! Но я помню все про Медведеву! За что? Кто это придумал? Мамочка, спаси меня!

Миша кинулся к дочери, Таня схватила телефон и стала вызывать «Скорую», я, чувствуя себя хуже некуда, попятилась в гостиную и случайно наткнулась взглядом на Елену Сергеевну. Любящая бабушка смотрела на внучку отнюдь не ласковым взором, на лице старухи было выражение интереса, брезгливости и легкого удивления. Елена Сергеевна, очевидно, почувствовала мой взгляд, потому что через секунду ее физиономия уже выражала скорбь, ужас, и бабуся заорала:

– Настенька умирает! Боже, не отнимай у меня внучку!

Ситуация в квартире Медведевых напоминала нечто среднее между ураганом и тайфуном. Настя, закатив глаза, упала на пол, Миша схватил бутылку и стал поливать ее голову минералкой. Елена Сергеевна металась по гостиной, размахивая руками, словно вспугнутая курица крыльями. Изредка она натыкалась на мебель и издавала вопли:

– Умирает! Уходит! Ларочка, девочке плохо! Лариса, сюда! Скорей! Посмотри на доченьку из райского сада!

Таня, сохранившая относительное спокойствие, обмахивала девицу газетой, а я, придавленная грузом информации, молча стояла в эпицентре урагана. Внезапно Настя села и простонала:

– Папочка, дай водички.

Если учесть, что волосы и лицо девицы были мокрыми, просьба звучала дико, но Миша резво бросился к шкафу, распахнул дверки и завизжал:

– Танька, почему нет бутылок?

– Кончились, наверное, – ответила жена.

– Вот Ларочка хозяйство вела идеально, – припечатала Елена Сергеевна, – всегда запас имелся! Всего! На случай войны! Компоты стояли, тушенка, мыло штабелями!

Танины глаза превратились в щелочки, я бочком-бочком приблизилась к ней. Интересно, успею схватить ее за руки, прежде чем она опустит на голову старухи стул?

Вдруг Настя с ловкостью молодой кошки вскочила на ноги и подлетела к бабке.

– Перестань Таню мучить! – закричала она. – Ты ей постоянно в нос своей Ларисой тычешь! Хватит! Я родную мать не помню, для меня Танечка лучше всех! Дурой я была! Теперь понимаю, такая мачеха одна на миллион! Мне не нравилось, что она меня учиться заставляет, полы мыть, гулять одну не отпускает. Я во всем виновата! Я! Не трогай Таню! И замолчи про Ларису! Папа, почему ты ей не скажешь? Зачем она Танюшу изводит?

В гостиной стало тихо, Таня отступила на пару шагов назад, на ее лице появилось выражение искреннего удивления. Миша уставился на Елену Сергеевну и неуверенно сказал:

– Вы правда слишком уж! Не надо!

Старуха рухнула на диван, прижала руки к груди и зашептала:

– Мне… так вот… бабушке… Лариса сейчас плачет… доченька…

Настя подбоченилась.

– Ты, папа, не знаешь, но бабушка мне всегда гадости про Таню дудела. Оставалась со мной одна и вещала: «Сиротки мы с тобой! Что Миша, он мужчина, вот его за нижний этаж и привязали. Таня ни умом, ни красотой не блещет, просто стриптиз ему танцует. Но нам с тобой надо хитрее быть, ночная кукушка-то дневную перекукует, ты ее вроде как слушай, но сама по-своему поступай!» Не скрою, мне подобные разговоры нравились, я маленькая была. Заставит Таня меня уроки делать, посадит за учебники и по делам уедет, а бабуля в детскую зайдет и начинает: «Ох, загубить малышку решила! Брось, кисонька, пойди телевизор посмотри, а потом однокласснице позвони, спишешь задание и забудешь. Нечего самой мучиться!» Но теперь-то я понимаю, кто мне добра хотел! Папа, вели бабушке маму не трогать! Она потому себя так ведет, что ты ей позволяешь! И не хочу маму Таней звать! Она мамочка! Мамуля!

Вытянув вперед руки, Настя бросилась на шею к Тане, та, растерявшись, обняла ее, а Миша повернулся к экс-теще.

– Вы внушали подобное ребенку?!

– Ларочка все видит с небес, понимает, плачет, – заверещала Елена Сергеевна. – О-о-о… меня ранили в самое сердце!

– Так да или нет? – настаивал на ответе бывший зять.

– Разве можно доверять ребенку? – завизжала старуха. – Маленькая пакостница! Сколько раз я ее ловила! То бумаги в столе перемешает, то ваши кассеты мерзкие, с порнографией, смотрит! А вы думали, я не знаю, чем вы занимаетесь? Хорошо развлечение! Нечего сказать! Ларочка со стыда сгорает! У девочки порочная натура! О-о-о! Нет! Она мое солнышко, ягодка! Настюша, поцелуй бабулю, я же всегда была на твоей стороне!

Миша схватил со стола рюмку и с силой сжал ее, она превратилась в крошево.

– Кровь! – истерически завопила Елена Сергеевна. – На ковер капает! Испортит палас, он дорогой!

– Ты порезался! – бросилась к мужу Таня. – Сейчас йод принесу!

– Лучше перекись, – засуетилась Настя, – где она у вас?

И тут меня осенило.

– Стойте! – заорала я.

Нервы у всех были натянуты, словно гитарные струны, поэтому мой вопль вверг присутствующих в ступор, все замерли и уставились на меня.

Первой пришла в себя Елена Сергеевна.

– Что? – заволновалась она. – Уже врачи приехали?

– Я знаю, как со стопроцентной уверенностью узнать, является ли Настя самозванкой! – торжественно объявила я.

– Это моя внучка, – живо отреагировала экс-теща Миши, – любимая! Она все помнит, и сердце бабушки чует родство.

– Есть способ понадежнее, чем чувства, – улыбнулась я, – анализ крови. По нему точно установят отцовство.

В гостиной воцарилось мертвое молчание.

– Милиционер родился, – неожиданно хихикнула Таня. – Молодец, Дашка! Всего-то делов в лабораторию съездить!

– Действительно, – охнул Миша. – Как мне это в голову не пришло! Нет, Настенька, я ни секунды не сомневаюсь, что все рассказанное тобой правда. Но

лучше получить официальное заключение.

– Ты согласна? – с легким торжеством спросила у девушки Таня. – Не откажешься пройти тест? Сразу все сомнения отпадут!

– С огромной радостью! – закивала Настя. – Пусть наука скажет свое слово!

– Не боишься? – разочарованно протянула мачеха. – Ученые не ошибаются. Вдруг результат окажется не в твою пользу?

– Исключено! – решительно топнула Настя.

– И где делают экспертизу? – повернулся ко мне Миша.

Я посмотрела на часы.

– В лаборатории работает мой хороший знакомый, Федор Молибог. Я попрошу его о помощи, и дело в шляпе.

– Прекрасно, – сказал Миша, – отличная идея Дашуте в голову пришла. Предлагаю всем успокоиться и отдохнуть, ну, типа, поужинать!

– Не соглашайся, внученька, – кинулась к Насте Елена Сергеевна, – поедем ко мне жить! Я в тебе не сомневаюсь!

– Нет, бабуля, сделать анализ необходимо, – покачала головой девушка, – так будет лучше!

– Кому? – вытаращила глаза старуха.

– Всем! Мне, папе, Тане, – перечислила Настя, – да и при получении паспорта результаты понадобятся, начнут чиновники права качать, а мы им на стол бумажку! Опля! Смотрите! Настя – дочка Медведева!

– Тебя хотят унизить, – понесла чушь Елена Сергеевна, – не доверяют, ставят под сомнение твои слова! Пошли! Я точно знаю – ты моя внученька!

– Нет! – не дрогнула девушка. – Мне самой необходим анализ. Для личного спокойствия. Вот когда все завершится, я подойду к Тане и скажу: «Извини за детское хамство. Ты мне мать, хоть мы и не одной крови, да родная. Мамочка, а не мачеха!» Мачеха – она в «Морозко», жуткая сволочь, которая падчерицу в лес отвела! Разве Таня такая?

Татьяна схватилась за стену, похоже, ей стало не по себе.

– Сердце остановилось, – прошептала Елена Сергеевна, садясь в кресло, – если не хотите моей смерти, не делайте анализа! Умоляю! Не подвергайте внучку стрессу. Еще СПИДом заразится от укола! Или гепатитом! Только нашли девочку и потеряем!

Глава 7

Домой я вернулась поздно и обнаружила в прихожей изящную, по всей видимости, очень дорогую шубку из ягуара. Около калошницы валялись небрежно брошенные белые сапоги. Обладательница такой обуви не ездит в метро и не толкается в трамвае, личная охрана несет ее на руках от подъезда до пафосной иномарки.

Я стащила куртку и тут же увидела сумку фирмы «Биркин». Прекрасно знаю, сколько стоит сие изделие из натуральной кожи – тысяч семь-восемь американских рублей. Да еще просто так ее не купить, надо записаться в очередь, ждать почти год, и лишь тогда вы станете счастливой обладательницей сего шедевра. Впрочем, «Биркин» сродни «Роллс-Ройсу», говорят, что эти машины служат вечно. А сумочку передают из поколения в поколение, чем она старше, тем ценнее. «Биркин» – это вложение капитала, и мало кто из женщин способен бросить ее вот так, небрежно, на пол в груду не особо чистых ботинок и кроссовок.

Так кто к нам прикатил? Внучатая племянница английской королевы? Или двоюродная сестра арабского шейха? Наши приятели обеспеченные люди, но ни у кого из них нет подобной шубки и аксессуаров.

В полном недоумении я пошла в гостиную, но там было пусто, лишь под креслом тихо лежал Банди.

– Милый, – позвала я, – ты чего притаился? И куда подевался народ?

Пит осторожно завилял длинным тонким хвостом, но из укрытия не вылез.

– Понятненько, – засмеялась я, – опять из сада прибежала полевка! Вот нахалки! И как они только в дом пробираются! Мы заделали все щели, но для грызунов преград нет!

Бандюша тихо заскулил.

– Ты бойцовый пес, кровожадный, готовый разорвать любого врага, – напомнила я, – неужели тебе не стыдно?

Питбуль поднял голову и потряс ушами. Я махнула рукой, какой смысл упрекать Бандика? Нам достался странный экземпляр, он дружит с кошками и до обморока боится всякой живности. Пес способен лишиться чувств при виде лягушки, мыши вызывают у него панику, а здоровенные комары, этакие летающие вертолеты, которых в народе ошибочно называют «малярийными», доводят пита до нервного срыва. Вот пуделиха Черри – храбрая охотница. Голову на отсечение даю, она сейчас затаилась в надежде сцапать мышку. Черричка глухая, почти слепая, она еле-еле ковыляет на артритных лапах, но борозды не портит. Для меня остается загадкой – каким образом Черри лихо ловит полевок? Может, у нее в голове радар?

Решив попить чайку, я вошла на кухню, включила свет и, поскользнувшись, шлепнулась на пол, пребольно стукнувшись головой о шкафчик. В первое мгновение я испугалась, потом пошевелила всеми конечностями, повертела головой и попробовала подняться. Главное, не сломать позвоночник и шейку бедра, все остальное рано или поздно заживет. Но почему я не могу встать на ноги? По какой причине они так скользят? Временно прекратив бесплодные попытки, я пощупала пол и горько вздохнула. Ирка с возрастом становится невыносима. Если честно, она и прежде не слишком утруждала себя уборкой, но, став замужней дамой, окончательно обленилась.[2 - История о том, как домработница женила на себе садовника Ивана, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Небо в рублях», издательство «Эксмо».] Вся плитка сейчас покрыта

некоей субстанцией, похожей на гель для душа. Наверное, кто-то уронил тарелку с геркулесовой кашей, быстренько ее замел, а Ира не помыла пол. Ну сейчас я ей покажу!

И тут я заметила на мойке шматок говядины, слишком большой даже для нашей совсем не маленькой семьи. Гора темного мяса стояла холмом, наверное, в ней килограммов пять, не меньше. Ну Ирина! Съездила на рынок, купила мясо, бросила его и потопала смотреть телик! Готова поспорить, что сейчас демонстрируют очередные мексиканские страсти.

Только я собралась заорать, как гора мяса медленно поползла в сторону холодильника. Временно лишившись способности издавать звуки, я уставилась на самостоятельно передвигающееся филе, потерла глаза, ущипнула себя и снова уперлась взглядом в ползущее мясо.

Пока я приходила в чувство, кусок бывшей коровы довольно ловко добрался до рефрижератора, поднялся на дыбы, вытянул маленькие РУКИ, издал странный, чавкающий звук и переместился на дверцу морозильной камеры.

– Воды, – прошептала я, – и вызовите психиатра! Люди! В доме есть кто-нибудь? На помощь!

– Дарь Иванна! – закричала за спиной Ирка. – Чего на полу устроились? Не жестко?

Злость на Ирку давно покинула меня, я схватила ее за тапки и еле слышно спросила:

– Ира, где мясо?

– Какое? – деловито поинтересовалась та.

– Наше!

– Так на костях, – хмыкнула Ирка, – в смысле, у кого где, конечно, у меня больше в заднице, а у вас, Дарь Иванна, если честно, его нет. Не в обиду вам сказано, а для уточнения факта.

– Я говорю о говядине! – осипшим голосом пояснила я.

– Ах ты господи, – всплеснула руками домработница, – ну кто вам внушил, что к ушибам сырую отбивную прикладывают? Это ж когда было? В первобытные времена так лечились! Уже давно аспирин придумали. Принести? Че, больно звезданулись?

Наивная вера Ирки во всемогущество ацетилсалициловой кислоты обычно вызывает у меня улыбку, но сегодня мне было не до смеха.

– Ира, – просипела я, – что там ползет?

– Где? – прищурилась домработница.

– На холодильнике, не видишь? Мясо движется.

– У нас его нет, – занудила Ирка, – я на рынок не поехала, Ванька виноват, сломал…

– Ирина!!!

– Чего?

– Подойди к морозилке.

– За фигом?

– По двери ползет окорок!

– Вечно вы, Дарь Иванна, дряни обчитаетесь, а потом глючите, – возмутилась домработница, – там одна Джульетта!

– Кто? – вздрогнула я.

– Джульетта, – равнодушно повторила Ира, – а вы че, не в курсе? Маня не звонила? Прикольная такая, хотя сначала мне противной показалась, а главное,

она молчит!

– Кто? – словно попугай повторила я.

Ирка закатила глаза.

– Приехала ваша подруга, ну та, из Лондона, свалилась, словно сковородка на башку. Никто не ждал ее, нате! Пожалуйста! Чемоданов восемь штук! И эта Джульетта! Хучик, как ее увидел, убежал в баню, до сих пор там сидит!

Я попыталась въехать в ситуацию.

– Погоди, погоди, прибыла Вера Рыбалко?

– Точно.

– Но она в Лондоне!

– Так прилететь недолго!

– Но я с ней утром разговаривала, и Верка маялась от тоски в своем особняке! Как она успела до Ложкина добраться!

– У нас же свой самолет! – раздался за спиной капризный голос. – Завела и полетела!

Я обернулась, на пороге стояла Рыбалко, облаченная в белую атласную пижаму, отороченную норкой.

– Ты мне не рада, – обиженно надулась Вера, – я хотела преподнести вам сюрприз, между прочим, трепалась с тобой уже из самолетика! Думала тебя удивить! Только из Лондона ля-ля, и уже тут! А ты надулась! Я могу и уехать!

– Что ты, – вспомнила я о гостеприимстве, – просто твой фокус удался в полной мере! Страшно рада тебя видеть!

Вера наклонилась, чмокнула меня в макушку и весело сказала:

– Я прибыла не одна!

– А с кем? – бесцеремонно поинтересовалась я.

Вера прищурилась.

– С Джульеттой, она беременна, я побоялась ее дома оставить.

– Это кто такая? – поинтересовался я.

– Где-то здесь ползает, – протянула Вера, – Джули, Джули, кис-кис, иди к маме!

Продолжая призывать любимицу, Вера сделала два шага и с громким визгом шлепнулась рядом со мной.

– Ирка! – заорала Рыбалко, лежа на животе. – Сто раз повторила! Ходи за Джулей с тряпкой! Вот она, моя киса!

Палец, украшенный кольцом с огромным брильянтом, указал на холодильник.

Я вздрогнула.

– Этот кусок вырезки – твоя кошечка? Ни разу не видела существо подобной породы. И почему она так странно передвигается?

– Сама ты филе миньон, – обиделась Вера, – Джуля не говядина и не кот, она улитка!

В мой висок словно воткнулась железная раскаленная палка и начала там медленно вращаться. Боясь, что мигрень разбушуется в полную силу, я решила не спорить со свихнувшейся от безделья Верой и мирно согласилась:

– Ага, улиточка! Славная крошка!

– Вовсе мы не маленькие, – заявила Вера, она ловко вскочила на ноги, подбежала к холодильнику, схватила кусок мяса, вернулась и сунула его мне под нос.

– Знакомься, это Джуля!

Нет слов, чтобы описать увиденное! Больше всего это походило на старую покрышку, но не черного, а шоколадного цвета. Верхняя часть представляла собой скрученный в спираль панцирь. Это существо имело голову с двумя рожками.

– Улитка, – ахнула я.

– Да, – горделиво ответила Вера, – Джулия.

– Но она размером с Хуча! – заорала я, на всякий случай отползая в сторону.

– Коля купил самый крупный экземпляр, – хихикнула Рыбалко, – ты же знаешь моего мужа!

Я машинально кивнула. Николай уверен: маленькое хорошим не бывает. Затеяв строительство дома, он возвел шестиэтажный дворец с пятиметровыми потолками, в бассейне у него можно проводить олимпийские соревнования по плаванию, а охранная собака, алабай по кличке Грант, обитает в будке площадью сорок квадратов. Не у всякой российской семьи есть квартира подобного размера. Года три назад мы проводили у Рыбалко рождественские праздники, и я до сих пор не могу забыть наряженную во дворе елку. Коля опутал мигающими лампочками и увесил игрушками здоровенное дерево, макушка которого терялась в облаках. Каким образом он ухитрился водрузить наверх шпиль, осталось неизвестно, не иначе как нанимал подъемный кран, один из тех металлических монстров, которые используют при возведении небоскребов. Чего уж тут говорить об улитке? Ежу понятно, что Коленька отхватил самую жирную.

– Вставай, – приказала Вера, – чего валяешься на полу?

– Ноги разъезжаются, – призналась я, с опаской поглядывая на Джульетту, – а чем она питается?

– Человечиной, – спокойно ответила Вера.

Ирка завизжала и унеслась в глубь дома, я попыталась отползти в сторону прихожей, но колени и локти скользили на плитке.

– Хватит идиотничать, – обозлилась Вера, – ладно домработница, темная и, между прочим, ленивая баба! Сказано ей было – мой за Джулей пол! Ходи с тряпкой, иначе каток будет! Так нет! Не выполнила приказа! Но ты! Человек с высшим образованием! Неужели не знаешь, что брюхоногие едят растения?

– Меня учили иностранным языкам, а не зоологии, – попыталась оправдаться я, – и «брюхоногих» до сих пор я встречала лишь в ресторане, запеченными.

Джуля чавкнула и в одно мгновение втянулась в домик!

– Эй, поосторожней с выражениями! – засверкала глазами Вера. – Она все понимает! Нечего вспоминать при ней, сколько ты ее родственников схомякала!

Я привалилась спиной к посудомойке, а Вера принялась с жаром рассказывать о Джульетте.

Человечество с незапамятных времен приручило животных. Сначала эти отношения носили чисто функциональный характер. Лошади, слоны, верблюды таскали тяжести и перевозили людей; коровы, козы, куры, утки, свиньи обеспечивали их едой; собаки сторожили имущество и пасли стада; кошки ловили мышей; голуби доставляли почту… Но мало-помалу ситуация изменилась, звери стали членами семей. В особенности обнаглели кошки, они сейчас искренне полагают, будто основная задача человека – это обеспечивать им, кискам, комфортное существование. Кролик из добычи превратился в приятеля, и объясните мне, зачем держать в квартире хомяка? Ну какой от него прок? Ни молока, ни мяса от грызуна не дождаться. Так почему мы любим юрких зверьков?

В девяностых годах двадцатого века в Россию пришла мода на экзотов. Сначала светским продвинутым людям предписывалось иметь при себе йоркширского терьера или «голую» кошку, потом появились совсем уж невероятные твари:

крокодилы, гепарды, пантеры, слоны. Однажды я ехала по пресловутому Рублево-Успенскому шоссе и чуть не врезалась в рекламный щит. Над одним из высоченных кирпичных заборов маячила на длинной шее голова жирафа.

Правда, очень скоро модники сообразили, что содержать какого-нибудь леопарда дорого и опасно, и они переключились на тараканов, мини-свинок, карликовых лошадок и черепашек всех мастей. И вот теперь дело дошло до улиток!

– Их родина Африка, – вдохновенно вещала Верка, потом она смутилась, – а может, Австралия, – задумчиво сказала она. – В общем, откуда-то оттуда!

– Африка далеко от Австралии, – пискнула я.

– Правда? – изумилась Вера. – Впрочем, охотно верю, у меня географический кретинизм, – ну это не важно. Порода называется «Гигантская какао-улитка».

– Ты ничего не путаешь? – подала я голос.

– Ну… нет… вроде какао-улитка или шоколадная. Нет, нет, ромовая! Точно. Большой ромовый слизень. Слушай, чего ты ко мне привязалась? Как называется, откуда привезли?! Из-за границы! В России такое не водится! Их в Москве всего две особи – Джульетта и Ромео. У меня девочка, а у другого человека мальчик. Мы их свели. Это теперь мое хобби, разведение здоровенных улиток. Супер?

– Суперее и быть не может, – цепляясь за посудомоечную машину, ответила я, – а как они размножаются? Яйца откладывают?

Верка призадумалась.

– Хрен их знает! Но раз есть деление на мужчин и женщин, то, сама понимаешь, хи-хи-хи! Ты мне рада?

Я постаралась изобразить на лице самую счастливую улыбку, хотя на язык просился вопрос: почему ты решила жить в Ложкине, ведь в Подмосковье у тебя

пустует здоровенный дом?

– Мы так давно не виделись, – мечтательно протянула Вера, – вот я и подумала: поболтаем всласть. Мне одной в своем коттеджике скучно, Колюня не смог со мной полететь, бизнес, блин! Одной пришлось бы по этажам шарахаться. Тоска! А у тебя весело! Эй, ты довольна? Чего молчишь?

– Просто от счастья потеряла дар речи, – заверила я.

– Ирка! – заорала Вера. – Твое дело ходить за Джулей и вытирать слизь. Всем улитка хороша, одна незадача, где проползет, остается липкий след.

– И че? – мрачно спросила Ирка, высовываясь из коридора. – Теперь за этой, прости господи, страхотой на карачках ползать?

– А за что тебе деньги платят? – возмутилась Вера.

Ирка глянула на меня, я ощутила неловкость и предложила:

– Может, один раз в день полы мыть?

– Еще упадет кто, ребра сломает, – предостерегла Вера.

– И прямо мне одной на полу колотиться? – не успокаивалась домработница. – Другой кто не сумеет?

– Любой может, – милостиво согласилась Вера, – лишь бы тряпкой пользоваться умел.

– Иван, – завопила Ира, – живо сюда!

Послышался топот, и в кухню с грацией беременного носорога вломился садовник с мелкокалиберной винтовкой в грязной руке.

– Звали? – запыхавшись, спросил он.

– Немедленно убери пукалку, – испугалась Ира, – зачем с мелкашкой припер?

– Так я думал, того-этого, – забубнил Иван, – мышь на кухне!

– Идиот! – топнула жена.

– Ты стреляешь в грызунов? – поразилась я.

– Че, я похож на дурака? – заморгал Иван. – Разве ж в полевку попасть? Всю посуду переколотить можно.

– Зачем тогда дробовик прихватил? – удивилась я.

– Прекрати, – остановила меня Вера, – все вы, преподаватели, зануды! Вечно надо в печень человеку залезть и поковыряться. Если ему удобно мыть пол с винтовкой, то спорить не надо. Бери, Ваня, тряпку и начинай!

Глава 8

Уяснив задачу, Иван принялся методично уничтожать следы улитки, а Вера потерла руки.

– Так! Надо сделать Джуле еду.

– У нас есть укроп и яблоки, – предложила я.

Рыбалко покачала головой.

– Нет, нет, необходимо приготовить витаминный паштет. Я уже говорила, что Джуля беременна, ей требуется особый корм. Ирка, сбегай в гостевую и принеси из моего чемодана банку, здоровую такую, с красной крышкой.

– В котором она лежит? – уточнила Ира.

Вера, успевшая открыть холодильник, с изумлением посмотрела на домработницу.

– Ты о чем?

– У вас восемь саквояжей, – заметила Ирка.

– Ну в каком-то из них, – махнув рукой, ответила Вера.

Ирка ушла, а Рыбалко вытащила из рефрижератора пачку сливочного масла, огляделась по сторонам, увидела кухонный комбайн и начала отдавать мне приказы:

– Разверни фольгу, покромсай брикет ножом, брось в чашу, добавь сушеной петрушки…

– Эта? – хмуро поинтересовалась Ирка, возвращаясь на кухню.

– Да! Супер, свинчивай крышку, – велела Вера.

– Мамочка! – завизжала Ира, вскрыв емкость. – Какая гадость!

– Чего там? – полюбопытствовала я, выхватив у домработницы банку.

В ту же секунду к горлу подступила тошнота, внутри лежали сушеные мухи, червячки и гусеницы. Вера вырвала из моих пальцев банку, лихо высыпала ее содержимое в чашу с маслом, быстро включила комбайн, все в нем перемешала и крикнула:

– Несите емкость с хорошо закрывающейся крышкой.

– Масленка подойдет? – спросила я.

– Ладно, – милостиво согласилась гостья, – Ирка, перекладывай все туда и ставь в холодильник.

– И ей понравится? – заинтересовалась я.

Рыбалко с нежностью посмотрела на заползшую в угол Джульетту.

– Повторяю для непонятливых. Она беременна, а смесь предназначена для укрепления костной ткани!

– Улитки имеют кости? – некстати уточнила я.

– Можете меня вон гнать, – влезла в разговор Ирка, – но я эту гадость даже пятиметровой палкой не трону!

Вера покраснела.

– Это еда Джулии! Паштет из витаминов! Его надо намазывать на овощи! Ну же! Перекладывайте в масленку! От смеси нарастает хитин, из него сделана раковина! Женщины пьют кальций, а Джульетте нужна такая добавка!

Ирка живо испарилась, Иван, сопя, тер плитку, Вера покачала головой.

– Ты избаловала дворню! У меня все железно: приказано – выполнено! Не нравится – пошла вон!

Преодолев брезгливость, я приблизилась к комбайну и принялась ложкой выковыривать из чаши смесь. Если не знать ее состав, то выглядит она обычно, похожа на печеночный паштет. Все, решено! Более никогда не покупаю готовых патэ,[3 - Патэ – паштет.] мало ли из чего их сварганили! И как раньше мне не пришло в голову, что нет такой гадости, которую нельзя измельчить!

– Муся! – закричала Машка. – Ты дома?

– Мы на кухне, – отозвалась я.

Через секунду Маня подлетела ко мне и начала восхищаться:

– Ты видела Джульетту? Вот прикол! Собаки ее испугались! Как ты думаешь, скоро они подружатся?

Я молча продолжала утрамбовывать в масленке мерзкое содержимое. Очень надеюсь, что наши псы не успеют завязать с Джулей нежные отношения, надо побыстрее избавиться от Веры.

– Есть дадут? – прогремел из столовой голос Дегтярева.

Я быстро поставила керамический горшочек в холодильник. Вот и полковник! Что-то он сегодня рано завершил погоню за преступными элементами, еще полночь не приблизилась, а Германн уже есть и просит, извините за каламбур, есть.[4 - Даша видоизменяет строки А.С.Пушкина из «Пиковой дамы». «Уж полночь близится, а Германна все нет».]

– Заварите чаю и… – начал приятель, но договорить фразу не успел.

Раздался звук падения, вопль, и наступила тишина. Мы гурьбой вылетели в столовую. На полу головой к креслам, ногами к двери лежал Александр Михайлович.

– Ты ушибся! – испугалась я. – Пошевели членами!

Маня глупо захихикала.

– Муся, думаю, он не способен на такой фокус!

– Маша, я имела в виду руки-ноги! – возмутилась я.

Девочка вытаращила глаза.

– И я тоже! Но как он ими будет двигать, если в обморок упал!

– Ща, ща, – завопила Ирка, материализуясь в столовой, – он мигом очнется!

Не успела я охнуть, как домработница вылила полковнику на голову кружку воды. Дегтярев чихнул и попытался сесть.

– Что случилось? – застрекотала Зайка, заглядывая в комнату.

– Эй, вы играете в расшибалочку? – поинтересовался Кеша.

Я попыталась помочь полковнику встать. В нашей семье всегда так: никого нету, в комнатах пустота, но стоит произойти какому-нибудь событию, как откуда ни возьмись сбегается вся семья.

– Какой-то идиот намазал жиром пол! – взвыл Дегтярев.

– Ой! – ахнула Маня. – У тебя вокруг глаз синяки наливаются.

– Это он о пол лбом стукнулся! – заорал из прихожей Денис. – Последствие травмы – «очки» вокруг буркал.

Я опустилась на стул. Великолепно, Деня тоже здесь, есть кому оказать полковнику первую помощь. Правда, Дениска ветеринар, но так ли уж сильно Дегтярев отличается от бегемота?

– Приложите ему ко лбу лед, – принялся командовать Деня, – а потом намажьте троксевазином. Тебя тошнит?

– Да, – простонал Дегтярев, – поднимите меня! Посадите в кресло! Дайте еды!

– Когда тошнит, аппетита нет, – констатировал наш Айболит, – одно исключает другое.

– Меня тошнит морально! – уточнил полковник. – От жизни. Нигде покоя нет. На работе чехарда, дома безобразие. Немедленно отвечайте, кто намазал порог салом?

– Джу… – завела было Вера, но я моментально наступила подруге на ногу.

Странное дело, но Рыбалко проглотила сообщение про гигантскую улитку. А вот Дегтярев не собирался успокаиваться.

– Хочу знать имя шутника, – упорствовал он.

– Джу… – начала Маша и тоже получила от меня пинок.

– Это на меня поставили ловушку, – занервничала Ольга, – знаю, знаю! Галина Андреева, куча жирная, постаралась. Она у нас на программе бегает и доченьку свою бесталанную на мое место пристраивает! Галка спит и видит, как меня из кадра убирают. Вот она сюда и проникла и порог обработала. Полагала, что я ногу сломаю, в больницу попаду, а ее стокилограммовая красотка мое место займет!

Ой! Чего у нас сегодня было! Такой скандал! Представьте, вызвал генеральный к себе Любу Ткачеву. Я как раз в приемную вошла, когда она в кабинет к нему просачивалась! Прямо нехорошо стало! Любка дверь к начальнику распахнула, а оттуда сигарным дымом понесло. Отвратительно! Вечно наш босс с раковой палочкой в руках! Хуже сигареты! Жуть мерзкая! Секретарша его, Нинка, мне на стул указала: «Сядь, подожди, там Ткачева!»

Ну и порядки! Я, между прочим, звезда! А Люба кто? Пятый редактор. И тут!

Зайка выдержала эффектную паузу.

– Что? – запрыгала Маня. – От сигары пожар?

– Круче! – воскликнула Ольга. – Люба из кабинета вылетает! Кофта клочьями, лифчик разорван, грудь наружу, она у нее, кстати, силиконовая, и рыдает: «Меня Иван Сергеевич изнасиловать хотел! Вызывайте милицию!» Нина зашла в кабинет, я за ней. Генеральный в шоке. Только повторяет:

«Она врет! Сама кофту разорвала».

И тут Нина говорит:

– Не волнуйтесь, Иван Сергеевич, мне понятно, что вы невиновны, сейчас вас на фото сниму, только сигару не кладите. Пусть менты приезжают, они Любку за клевету арестуют, мало ей не покажется!

И точно! Увезли Ткачеву. Одно не пойму: как Нинка до правды доперла?.. Ира! Скажи, сюда сегодня Андреева приходила? С салом? Зачем ты ее пустила?

Аркадий крякнул. Зайка частенько делает странные заявления, но сегодняшнее, про врагиню, натирающую куском сала полы в Ложкине, побило все рекорды глупости. Но мне на руку Ольгин пассаж, пусть уж полковник злится на малосимпатичную Галину Андрееву, чем знает, что по дому, превращая паркет в каток, ползает гигантская улитка. Как только до Александра Михайловича дойдет правда про Джульетту, он устроит скандал, Вера не останется в долгу и закатит ответную истерику. Угадайте, кого обвинят потом в разжигании войны? Кто исполнит роль козла отпущения? Верно! Дашутка!!!

Пока полковника поднимали, устраивали в кресле, несли лед, мазь от ушибов, аспирин, бинты, йод, таблетки от желудочных колик, микстуру против кашля, глазные капли, активированный уголь, пластырь, валокордин, шоколадные конфеты, бутерброды с колбасой, я успела быстро сказать Мане, Вере и Ирке:

– Молчите про Джулю, иначе худо будет.

То ли в моем тоне звучал металл, то ли еще по какой причине, но все предупрежденные согласились, лишь Маня прошептала:

– Она же по дому ползает! Он заметит улитку.

– Если спрятать его очки, то не увидит, – придумала я выход из положения. – Действуем быстро. Ты берешь улитку и помещаешь ее в кладовку на втором этаже, а я тырю очечник из портфеля Дегтярева.

Маня кивнула, и мы стали осуществлять задуманное. Увы, с возрастом у полковника начала развиваться близорукость. Обычно у людей возникает дальнозоркость, но Дегтярев оригинален во всем.

Тщательно спрятав футляр с очками в шкаф с бельем, я прибежала в столовую и обнаружила приятеля в гордом одиночестве. Сообразив, что падение не нанесло Дегтяреву ощутимого урона, домашние разошлись по комнатам. Я решила проявить заботу и нежно спросила:

– Хочешь чаю?

– Угу, – сказал Александр Михайлович, – но только не зеленую бурду, а наш, родной, черный.

Я схватила заварочный чайник и вставила в носик ситечко.

– Паштет слишком соленый, – мирно продолжал Дегтярев, – но вкусный. Где брали?

Я посмотрела на полковника и онемела. Прямо перед его тарелкой стояла масленка с витаминной едой для Джули, и Александр Михайлович самозабвенно намазывал «паштет» на кусок белого хлеба.

– Ты зачем взял патэ? – пролепетала я.

– А что, нельзя? – полез в бутылку Дегтярев.

– Нет! – рявкнула я.

– Почему?

– Это не для тебя!

Александр Михайлович швырнул нож на стол.

– Дожили! Теперь попрекаем друг друга куском! Я что, слопал гастрономический шедевр за тысячу евро сто грамм?

– Не в цене дело!

– А в чем? – совсем обозлился Дегтярев. – Кому предназначался деликатес? О ком у нас так истово заботятся? Кто достоин отдельной еды? Ладно, я вообще больше не подойду к холодильнику! Буду питаться на работе в буфете. Кстати, прости, отхлебнул чайку, он небось тоже не для меня!

– Успокойся, – попыталась я погасить бурю, – речь идет о калорийности. Ты же худеешь, а в паштете полно сливочного масла.

– Мне надоела диета, – побагровел Александр Михайлович и вновь потянулся к масленке, – я был не прав! Вкусная штукенция, вовсе не соленая.

Я вцепилась в бочоночек.

– С тебя хватит.

– Нет, – капризно ответил Дегтярев и выудил из масленки кусок паштета, – отлично идет с хлебушком. Хочешь попробовать?

– Нет! – заорала я.

– И не надо, – ухмыльнулся Дегтярев, – мне больше достанется!

Я с ужасом смотрела, как полковник доедает харчи, предназначенные беременной улитке. Как его остановить? Сказать правду про состав замечательного закусона? Это невозможно, я не готова попасть в эпицентр циклона. И потом, Александр Михайлович уже слопал почти всю «вкусняшку», ему станет плохо, и мы ночью поедем в больницу! Придется молчать, очень надеюсь, что витаминчики не нанесут урона здоровью Дегтярева. Хотя, если вдуматься, ничего страшного нет. Маруся ездила в Таиланд и рассказывала, что местное население с завидным аппетитом ест жареных кузнечиков, засахаренных гусениц и тараканов в кляре.

Дегтярев заглянул в пустую масленку.

– Все, – с легкой досадой констатировал он, – купите еще такой!

– Непременно, – пообещала я.

И тут зазвонил телефон.

– Кто это? – изумился толстяк. – На дворе почти ночь!

Я схватила трубку.

– Алло!

– Позовите Дарью, – попросил взволнованный женский голос.

– Слушаю вас.

– Что вы наделали! Убили меня!

Я покосилась на полковника, который, взяв кружку с чаем, мирно брел к креслу у телевизора и, понизив голос, ответила:

– Мертвые не способны разговаривать, если вы убиты, то не можете общаться по телефону. Значит, пока вы живы, представьтесь, пожалуйста!

– Не узнали меня?!

– Нет!

– Меня???

– Именно так.

– Немыслимое дело! Сделала гадость и в кусты!

– Я хочу предупредить, что наш номер поставлен на прослушку, если вы продолжите глупую беседу, через некоторое время к вам явится милиция, – пригрозила я, понимая, что стала жертвой телефонного хулиганства.

Встречаются порой люди, которые, маясь от безделья, набирают наобум номера и издеваются над собеседниками.

– Дашенька, – завсхлипывали в трубке, – извините за резкость. Но вы меня без ножа зарезали! Ну кто просил вас про анализ крови говорить? Неужели вам нужны доказательства?

– Елена Сергеевна? – изумилась я. – Это вы?

– Ну конечно, солнышко!

– Что случилось?

– Умоляю, приезжайте!

Поглядывая на похрапывающего у мерцающего экрана полковника, я на цыпочках вышла в холл.

– Поторопитесь, – ныла экс-теща Михаила, – погибаю! Времени нет! Мишенька собрался завтра в лабораторию ехать! Как вы могли! Скорей приезжайте!

– Куда?

– Ко мне! Записывайте адрес!

– Вы на часы смотрели?

– Какая разница! Когда нервничаю, я спать не могу!

– А я вполне способна уснуть. Давайте встретимся завтра в районе полудня. Сейчас я очень устала и хочу отдохнуть.

Внезапно из трубки послышались странные звуки, треск, свист, шум, затем раздался голос Елены Сергеевны:

– Дорогая, я стою на подоконнике, жду вашего решения. Если пообещаете незамедлительно прибыть, вернусь в комнату, откажете – шагну вниз с десятого этажа!

– Уже сижу за рулем! – крикнула я и бросилась к машине.

Глава 9

Пожилая женщина, распахнувшая дверь, совершенно не походила на особу, которая замыслила самоубийство. Седые локоны Елены Сергеевны были, как всегда, уложены в аккуратную прическу, щеки тронуты румянцем, губы помадой, а воротничок кружевной блузки украшала большая брошь.

Окинув бабулю взглядом, я в ту же секунду сообразила, что стала жертвой грубой мистификации. Елене Сергеевне понадобилось заманить к себе глупую Дашутку, и она с блеском выполнила задуманное.

– Милая, – залебезила старуха, – сюда, пожалуйста, в гостиную, чай, кофе?

– Зачем я вам понадобилась?

– Душенька! Вы были ближайшей подругой Ларисы…

– Вовсе нет, – бесцеремонно перебила я Кругликову, – никогда не встречалась с вашей дочерью, я познакомилась с Мишей уже после смерти его первой жены.

– Вы мне родная, – как ни в чем не бывало пела Елена Сергеевна, – ближе дочери!

– Что вам надо?

– Я вас очень люблю! – продолжала в том же духе Елена Сергеевна.

– Выражайтесь конкретно.

– Обожаю вас! Ценю ваш ум, сообразительность, интеллигентность, воспитание…

– Лучше сразу сообщите, с какой целью вытащили меня из дома в столь поздний час!

– Вы являетесь авторитетом и для Миши! Как скажете, так он и поступит.

– Я сильно сомневаюсь в степени своего влияния на Медведева.

– Ах, не скромничайте! Только вы предложили сдать анализ крови, и зять мигом согласился ехать в лабораторию.

– Миша оценил разумность моей идеи. Только исследования могут дать четкий ответ на вопрос: кем приходится Медведеву девушка, называющая себя Настей!

– Вы такая заботливая!

Я молча смотрела на старуху, а та продолжала:

– Без вас Миша никогда бы не додумался до анализа!

– Моя роль в этом сильно преувеличена, рано или поздно Михаилу пришла бы в голову идея об исследовании.

– Вы даже дали ему телефон специалиста! У него такая странная фамилия.

– Федор Молибог. Верно, а почему нет? Федя один из лучших специалистов в своем деле, он тщательно изучит кровь, не обманет, не ошибется.

– Анализ такой точный?

– Точнее не бывает.

– Прямо скажут: родные ли Настя с Мишей?

– Да.

– Стопроцентно?

– Маленький шанс на ошибку остается, но погрешность крохотная.

– Господи! – заломила руки Елена Сергеевна. – Что же вы наделали! Как могли? Зачем? Кто просил вас вмешиваться?

– Мне непонятен смысл ваших упреков, – холодно ответила я, вставая, – неужели вы сами не хотите знать, кто эта девушка? Родная внучка или самозванка?

– Дашенька, – начала ломать пальцы старуха, – ну вспомните, как обстояло дело! Настенька исчезла! Ни слуху ни духу! Все страдали, плакали, потеряли надежду – и вдруг! О счастье! Девочка вернулась! Снова в семье! А вы! Если сейчас выяснится, что пришла не Настя, Миша этого не вынесет! За Таню я не волнуюсь, у нее не нервы, а канаты! Железные тросы! А мой зять…

– Бывший, – уточнила я.

Елена Сергеевна вздрогнула.

– Что, душенька?

– Бывший зять!

– Да какая разница! Нас объединяет Настя. Михаил отец, я бабушка. Вдруг ваш Федор даст отрицательный ответ? И что? Миша в реанимации, я покончу с собой, Настя попадет в сумасшедший дом, а вас съест совесть. Пожалуйста, прямо сейчас позвоните Молибогу и велите ему отказаться от проведения анализа!

Я положила ногу на ногу.

– Связаться с Федором нетрудно, он завален работой и будет рад, если одной заботой станет меньше.

– Вот и действуйте, – словно сытая гиена, заулыбалась Елена Сергеевна, – телефон на столе. Сейчас принесу трубочку. Ах, мне приятно вам услужить! Держите, кисонька. Номер помните?

– Конечно. Но неужели вы не хотите знать правду?

– Нет.

– Станете общаться с Настей, не думая о родстве?

– Девочка своя! Я ощущаю это, чую кожей!

– Если я попрошу Федора забыть о просьбе Михаила, то Медведев обратится в другую лабораторию.

Елена Сергеевна схватилась за голову.

– Ужасно! Скажите, он богат?

– Кто?

– Федор.

– Вы встречали в этой стране обеспеченных научных сотрудников?

– Чудесно, – потерла сухонькие ладошки старуха, – думаю, он не откажется от гонорара!

– Анализ платный, – кивнула я, – и, кстати, весьма дорогой.

– Хорошо, хорошо, – радовалась бабуля, – Дашенька, вы причинили мне много страданий, я не сплю, чуть не выбросилась из окна. Теперь исправляйте положение! Звякните Федору и спросите, сколько стоит анализ. Положительный! Понимаете?

Я кивнула.

– Хотите заплатить Молибогу за подтасованные результаты?

– Фу, как грубо! – возмутилась Елена Сергеевна.

– Зато правда!

– Я хочу спасти счастье семьи Медведевых, – патетически заявила она, – Татьяна бесплодна, она не сумела родить, а Миша мечтал о ребенке. Понятен вам ход моих мыслей?

– Нет!

– Детонька! Попробуйте вникнуть: Миша…

– В отношении Миши у меня полная ясность, – ответила я, – но вам-то какое дело до Медведевых?

– Боже! Они мне родня!

– Таня и Миша?

– Естественно! Ларочка смотрит с небес и радуется! Я ради дочки стараюсь.

– И вы готовы любить чужую девушку?

– Мне Настя родная! – возмутилась Елена Сергеевна.

Тут в моем мозгу произошло некое движение, и я потрясенно выпалила:

– Вам родная! А Мише?

Елена Сергеевна прижала руки к лицу.

– Что за намеки, дорогая? – дрожащим голосом протянула она. – Лариса выходила замуж непорочной девочкой! Настя появилась на свет спустя девять

месяцев после свадьбы!

– И вы даже выносили во двор окровавленную простыню, чтобы убедить соседей в невинности невесты, – скривилась я. – Слишком эпатажный поступок для москвички с высшим образованием.

– Это народная традиция, – стала слабо протестовать Елена Сергеевна, – нужно ее поддерживать.

– Я бы еще поверила в это, если бы вы с дочерью жили в горном селении на Кавказе, – протянула я, – но дело происходило в конце двадцатого века в Москве.

Елена Сергеевна заморгала.

– Вы знали, что дочь беременна от другого, – продолжала я, – и сделали все возможное для обмана Миши. Восстановили девственность хирургическим путем? Или, напоив жениха до потери пульса, набрызгали на белье куриной крови?

Старуха заморгала, потом бросилась к подоконнику.

– Сейчас кинусь вниз! Вы позорите Ларочку!

Я спокойно смотрела ей в спину. Елена Сергеевна распахнула раму и попыталась вскарабкаться на подоконник.

– Вам помочь? – спросила я.

– Брошусь с десятого этажа! – заорала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробно история семьи Даши Васильевой описана в книгах Дарьи Донцовой «Крутые наследнички» и «За всеми зайцами», издательство «Эксмо».

2

История о том, как домработница женила на себе садовника Ивана, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Небо в рублях», издательство «Эксмо».

3

Патэ – паштет.

4

Даша видоизменяет строки А.С.Пушкина из «Пиковой дамы». «Уж полночь близится, а Германна все нет».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/lichnoe-delo-zhenschiny-koshki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить